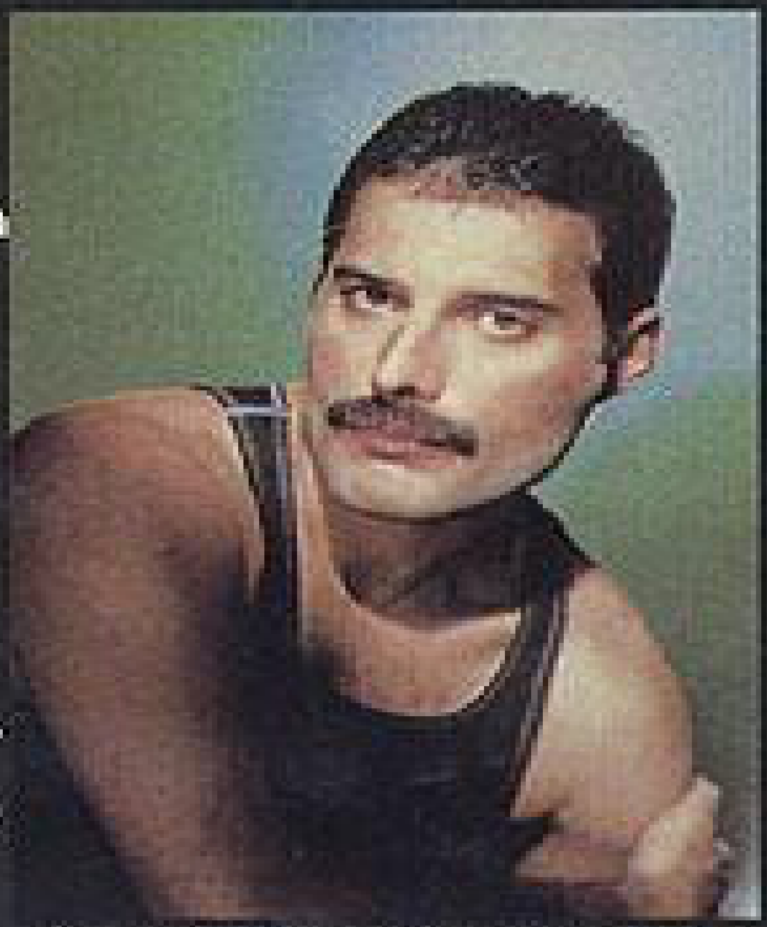
Ради Тебя Мне Жить Захочется



ФРЕДДИ МЕРКЬЮРИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга “Фредди Меркьюри” написана близким другом певца, музыкальным редактором газеты “Дейли миррор” Риком Скаем. Увлекательное документальное повествование дополнено собственными наблюдениями автора в течение многолетнего общения с артистом.

Издание иллюстрировано ранее не публиковавшимися фотографиями из коллекции автора и содержит хронологию и дискографию группы “Куин”.

- Рик Скай
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11

Рик Скай
“Фредди Меркьюри”

Глава 1
Конец Легенды. Последние мгновения жизни Фредди Меркьюри.

"Если мне суждено умереть завтра, я не буду сожалеть.

Я действительно сделал все, что мог".

Меркьюри лежал, укрытый белыми шелковыми простынями, под балдахином огромной кровати, которая, как он однажды похвастался, могла уместить шестерых. Наконец он остался один, и покой объял его душу. Персидские кошки, лежавшие рядом с ним не один час, неохотно спрыгнули с постели. Ушли близкие друзья, проведшие здесь несколько последних недель, — Элтон Джон, диск-жокей Кенни Эверетт, остальные музыканты «Куин». Мэри Остин, первая любовь Фредди, поцеловала его и, разрыдавшись, выбежала из великолепного особняка в лондонскую ночь. Одним из последних спальню покинул доктор…

Особняк Меркьюри не слишком отличался от других домов престижного лондонского района Кенсингтон. В нем восемь спален, в одной из которых, занимавшей почти весь третий этаж, умирал Фредди. Этот огромный дом стал для Меркьюри надежным убежищем от остального мира. Сейчас у его дверей собрались в ожидании трагической развязки толпы поклонников и журналистов. Один из личных докторов Меркьюри, Гордон Аткинс, на выходе был атакован репортерами и признался, что певец умирает. Накануне Фредди через своих пресс-агентов сделал заявление, что болен СПИДом. Эту страшную тайну он скрывал пять последних лет…

…Его серое и изможденное лицо уже не имело ничего общего с тем Фредди Меркьюри, которого знали по сотням фотоснимков. Он с трудом дышал и уже никого не узнавал. Сейчас рядом с кроватью сидел один из самых преданных его друзей — рок-идол 60-х Дэйв Кларк и держал Фредди за руку. Рука была немощной, как и все тело, некогда поражавшее со сцены неукротимой энергией.

Нынешний Меркьюри был бесконечно далек от своей

прежней жизни. Последние два дня он не мог есть, с трудом говорил и плохо видел. Он лежал, больше похожий на мертвеца, безразличный к окружающему его великолепному антиквариату, собранию импрессионистов и картин японских мастеров стоимостью в сотни тысяч фунтов. Эти коллекции были предметом постоянной зависти ценителей искусства. Он не замечал лежавшие тут же горы писем и открыток. Его поклонники писали, что молятся и думают о нем, что он обогатил их жизнь. Ему была безразлична и реакция на заявление, сделанное его пресс-секретарем Рокси Мид накануне. Оно подняло завесу молчания вокруг этой трагедии. В заявлении говорилось: "Хочу подтвердить: анализ моей крови показал присутствие ВИЧ. У меня СПИД. Я считал необходимым держать эту информацию в секрете, чтобы сохранить спокойствие родных и близких.

Однако пришло время сообщить правду моим друзьям и поклонникам во всем мире. Надеюсь, что все присоединятся к борьбе с этой ужасной болезнью".

И это были не только красивые слова. Спустя несколько дней было объявлено, что Меркьюри передал все права на одну из самых великих песен «Куин» «Богемская рапсодия» благотворительному фонду Терренса Хиггинса по борьбе со СПИДом. Песню планировалось заново выпустить накануне Рождества. Специалисты в области шоу-бизнеса предрекали, что эта композиция по количеству проданных пластинок побьет все рекорды.

Финал наступил быстрее, чем ожидалось: друзья Меркьюри надеялись, что он проживет еще несколько дней. Даже его родители Джер и Боми Балсара не успели прибыть вовремя из своего дома в предместье Лондона. В семь вечера 24 ноября, в субботу, жизнь Фредди Меркьюри закончилась. О смерти великого артиста было объявлено в полночь в коротком сообщении: «Фредди Меркьюри тихо скончался этим вечером в своем доме. Его смерть была вызвана воспалением легких, спровоцированным СПИДом».

Несколько дней спустя Дэйв Кларк пытался нас хоть как-то утешить, рассказав о последних минутах жизни Меркьюри: «Он ничего не сказал. Умер во сне и выглядел очень спокойным. Фредди был редким человеком, неповторимым… Я знаю — он ушел в гораздо лучший мир».

Мэри Остин, его подруга, которой он подарил роскошную квартиру в двух шагах от собственного дома, приходила каждый день. «Фредди знал, что конец близок, — рассказывала она, сдерживая слезы. — Но при этом пытался сохранить чувство юмора. Последние несколько дней он испытывал сильные боли и

много страдал. Он не мог есть и был вынужден принимать сильнодействующие обезболивающие средства. Несмотря на это, он мне признался, что ни о чем не жалеет. Но те муки, которые он переживал, я бы не хотела увидеть вновь».

После смерти Меркьюри в его дом прислали огромное количество цветов и телеграмм от рок-звезд со всего мира. Одно из самых трогательных посланий было от членов группы «Куин» Роджера Тейлора, Джона Дикона и Брайана Мая: «Мы потеряли самого великого и любимого члена нашей семьи и переживаем огромное горе, вызванное его уходом. Мы гордимся той смелостью, с которой он жил и умер. Для нас было великой честью работать рядом с ним, это было удивительное время».

Еще больше посланий и цветов сопровождало похороны Меркьюри, состоявшиеся в крематории на Харроуроуд, в западной части Лондона, через четыре дня после его смерти.

Меркьюри потратил несколько недель, разрабатывая мельчайшие детали сценария собственных похорон. Это действо представляло собой соединение двух разных миров — современного мира рок-музыки и древнего мира религии Зороастра, в которой был воспитан Меркьюри.

…Гроб с телом Меркьюри покрыли белым шелком, возложив сверху алую розу. Как только гроб был внесен в часовню, священники в белых муслиновых головных уборах и одеждах начали традиционные молитвы своему богу Ахура-Мазде во спасение души музыканта. Церемония длилась 25 минут. Молитвы читались по древним книгам Авесты. Священники не сказали ни слова по-английски за исключением обращений «встаньте» и «сядьте» к сорока собравшимся.

Меркьюри настаивал, чтобы его похороны были как можно скромнее, и магическая древняя церемония проходила в исключительно узком кругу близких друзей и родственников. Его родители Боми и Джер Балсара не могли сдержать слез. Плакали Мэри Остин и Элтон Джон. Среди присутствовавших были Дэйв Кларк, три музыканта «Куин», подруга Брайана Мэя и бывшая звезда «мыльных опер» Анита Добсон.

Холодным утром, в начале десятого, сверкающий черный «роллс-ройс» с телом Меркьюри въехал во двор крематория на Кенсал Райс. За ним проследовали пять катафалков «даймлер», которые везли цветы и послания, отправленные в дом Меркьюри после его смерти. Далее следовали восемь лимузинов «мерседес». В них были те, кто пришел отдать последний долг одному из самых великих шоуменов рока.

Музыка, превратившая скромного студента факультета искусств Фарруха Балсара в звезду первой величины Фредди

Меркьюри, была неотъемлемой частью церемонии. Как только гроб внесли в здание крематория, из динамиков донесся госпел «Драгоценный Боже, возьми мою руку», который пела одна из самых любимых Фредди исполнительниц музыки соул Арста Франклин. Затем прозвучала другая ее песня — «У тебя есть друг». Ее сменила ария из оперы Верди, любимая Меркьюри. Эта ария имела особое значение ее исполняла испанская оперная прима Монсеррат Кабалье. Она и Мер-кьюри вместе записали знаменитый сингл «Барселона».

По мере того как траурная процессия проходила сквозь море цветов, многие останавливались прочесть надписи на венках. Они были присланы музыкантами всего мира. Венок Гарри Глиттера был сделан в форме огромной звезды из белых гвоздик, символизирующей Меркьюри. Карточка, прикрепленная к венку, гласила: «Фредди, тебя очень не хватает. Никогда не забуду». Мэри Остин прислала белые и желтые розы с запиской: «Моему самому дорогому — с глубокой любовью от преданной Мэри». Дзйв Кларк: «Жизнь не кончается, мой друг. То, что ты принес в мир, будет жить вечно». Венок Элтона Джона был сплетен из светло-красных роз в форме сердца: «Спасибо, что был моим другом. Всегда буду любить тебя». Бой Джордж написал: «Дорогой Фредди, я тебя люблю». Но самой трогательной была надпись на венке от родителей, которые всегда были близки с единственным сыном вопреки слухам, что будто бы они не понимали Фредди, образ жизни которого глубоко огорчал их. Они написали: «Нашему любимому сыну Фредди. Мы тебя любим. Мама и папа».

Глава 2
Молодые годы. С занзибара — в Лондон.

“Больше и лучше — во всем”.

Первые четырнадцать лет жизни иранца Фарруха Балсара прошли в самых экзотических уголках мира. Это было как бы генеральной репетицией для человека, которому позднее предстояло перевоплотиться в одного из самых блистательных шоуменов мирового рока.

Ранние годы он провел на двух поистине райских островах Индийского океана — Занзибаре и Пембе, лежащих к востоку от побережья Африки. Жизнь на сопредельных островах протекала вполне беззаботно: мальчик все свободное время проводил на золотых пляжах, наслаждаясь щедрым солнцем. На Пембе не было даже электричества, а о том, что происходит в мире, папа Боми узнавал от соседа, слушавшего радио. Фредди (английский эквивалент персидского имени Фаррух) до семи лет, когда родилась сестра Кашмира, был единственным и обожаемым ребенком в семье. Размеренный и спокойный темп тамошней жизни позволял родителям уделять сыну много времени. Рабочий день отца, клерка юридической конторы, заканчивался в половине второго. Он заходил за женой и сыном, и все вместе направлялись на пляж. Время от времени они прогуливались в саду Занзибарского национального музея, который привлекал многие молодые семьи с детьми.

Дома родители читали Фредди книги о джиннах, пиратах и принцах, сюжеты и персонажи которых были почти реальными для этих волшебных мест. Маленький Фредди сходил с ума от книги сказок «Арабские ночи», где все персонажи были персами (иранцами), как и он сам. Фредди никогда не испытывал недостатка внимания и не страдал от нехватки партнеров для игр. Впоследствии он часто хвастался, что его родители могли позволить себе иметь слуг, которые исполняли все желания мальчика.

Когда Фредди исполнилось пять лет, семья Балсара перебралась в не менее экзотический Бомбей, в котором они жили до того, как поселиться на островах. Пемба, Занзибар и Бомбей в недавнем прошлом входили в состав могучей

Британской империи. Однако в Бомбее, по мнению отца, находились лучшие во всем регионе школы. Кроме того, там обосновалась самая большая в мире община парсов (последователей учения Зороастра), к которой принадлежала и семья Балсара.

Зороастризм — одна из самых своеобразных и древних религий. Основал ее, по преданию, пророк Зороастр, время жизни которого относят к X-VI вв. до н. э. Последователи этой религии (их еще называют огнепоклонниками) смотрят на жизнь как на вечную борьбу светлого и темного начал в мире. Во главе светлых духов стоит Спента-Майнью, или Ахура-Мазда, олицетворяющий добро, правду и мудрость. Ему противостоит глава духов тьмы Ангро-Майнью, который создал все злое, нечистое и вредное, и олицетворяет разрушение. Согласно учению, от того, какова земная жизнь человека, зависит, куда он попадет после смерти. Конечной стадией бытия являются эквиваленты христианского рая и ада. Основной символ зороастризма, к которому верующие обращают свои молитвы, это священные костры. Они никогда не гаснут. В некоторых местах Ирана эти костры горят уже более двух тысяч лет. Пять раз в день жрецы храма осматривают и поддерживают священный огонь.

В X веке, во время исламского вторжения в Персию, парсы бежали в Индию, где они могли свободно исповедовать свою религию, ведь Индия всегда была одной из самых веротерпимых стран. В многоликом Бомбее мирно уживались различные учения: индуизм, мусульманство, христианство, буддизм, джайнизм, зороастризм…

Парсы были одной из самых благополучных общин Бомбея. Столетия назад они переняли язык и одежду наиболее многочисленной религиозной индийской группы индусов, а позднее заимствовали обычаи и образ жизни британцев. Молодой Фредди получил типично британское среднее образование, несмотря на то что его школаинтернат находилась в тысячах миль от Итона и Харроу.

В то время в Бомбее проживало 4 миллиона человек, и он был седьмым по величине городом мира, крупным портом, финансовым и деловым центром Индии. А для Фредди этот город навсегда остался местом реальных чудес. Он любил играть на его узких улочках, бродить в живописных садах богатого района Малабархилл, недалеко от Больницы парси. Ему нравилось наблюдать на базаре за магическими действиями заклинателей змей, глазеть на факиров, расположившихся на лежанках, утыканных торчащими гвоздями; торговцы вопили, расхваливая свой товар, и благоухали самые экзотические фрукты и пряности.

После обеда Фредди отправлялся в гавань, где множество кораблей со всего света принимали в свои трюмы рис, хлопок и чай.

Мальчик любил школу. Он был хорошим спортсменом и достиг приличных результатов в крикете, боксе и настольном теннисе. Особенно удавался ему теннис, требующий быстрой реакции, собранности и скорости. Фредди сполна обладал этими качествами, что позволило ему стать чемпионом интерната.

Именно здесь, в интернате, Меркьюри получил первые уроки игры на фортепьяно. Соло на этом инструменте впоследствии определило неповторимый стиль «Куин»…

В Бомбее можно было услышать музыку самых разных направлений. Одиннадцатилетний Фредди с одинаковым наслаждением слушал оперу, большими поклонниками которой были его родители, и романтические и чувственные индийские национальные мелодии. Он стал свидетелем возникновения музыкального феномена под названием рок-н-ролл, который начинал в это время завоевывать мир.

Важную роль в жизни Меркьюри в то время играла религия. Вместе с другими детьми парсов он ходил молиться в Храм Огня. В возрасте восьми лет Фредди стал полноправным членом общины. Он прошел величественную церемонию Навьете, которая начинается с обряда очищения водой. Священное омовение символизирует физическую чистоту, которая необходима для очищения ума и сердца; одновременно жрец произносит молитвы. Затем перед священным огнем посвящаемый повторяет за жрецами молитвы, показывая этим, что принимает зороастризм, подобно тому как это делал Зороастр перед Ахура-Маздой. После этого ему вручают судрех — рубаху, сшитую из белого муслина, — символ невинности и чистоты. Вокруг его пояса жрец обвязывает кусти — тончайшую нить, сплетенную из шерсти белого ягненка, что символизирует готовность служить человечеству. Кусти оборачивают вокруг пояса три раза, чтобы напомнить мальчику о трех ипостасях Ахура-Мазды: создателя, защитника и возродителя. Парси должен носить кусти, не снимая, всю жизнь. В конце церемонии новопосвященного осыпают рисом, лепестками роз, орехами и гранатовыми зернами. После этого мальчик надевает новые одежды. Друг семьи Балсара, Руси Далал, так говорит о церемонии Навьете: «Это один из самых значительных обрядов в нашей религии, на который приглашаются все члены общины. Это очень торжественное и праздничное событие».

Фредди любил вспоминать о годах своего детства и об интернате. Этим, кстати, он отличался от других поп-звезд, у

которых школьные годы ассоциируются с чем-то ужасным, окончания чего ожидают с нетерпением. Фредди говорил: «Благодаря интернату я очень рано стал самостоятельным, научился быть независимым и надеяться только на себя. Из школьных предметов больше всего я любил литературу и искусство. Кроме того, школа сделала меня спортсменом».

В школе Фредди успешно сдал экзамены по музыке. «Я брал уроки игры на пианино, и мне это нравилось. Все это началось благодаря моей маме. Вначале я посещал занятия только потому, что она этого хотела. Но затем я полюбил играть».

Одним из тех, с кем Фредди делился воспоминаниями о школьных годах в Индии, был Джеки Ган — организатор фан-клуба «Куин». Он говорит: «Судя по тому, что Фредди рассказывал об этом времени, оно ему очень нравилось. У него было множество друзей и много любимых занятий». В четырнадцать лет мир для Фредди перевернулся: его семья переехала в Британию. Жизнь в пригороде Лондона, Фелтхеме, оказалась полной противоположностью той жизни, к которой он привык. Беззаботные долгие дни, полные знойного солнца, колоритные восточные базары, шумная уличная жизнь, слуги со всем этим ему пришлось расстаться. Фелтхем в 1959 году вряд ли был привлекательным местом для общительного подростка. Изо дня в день Меркьюри смешивался на остановке с серой толпой, ожидающейкрасный двухэтажный автобус, который доставлял его в школу в Ислворте. В школе его южная внешность и непривычный говор служили мишенью для насмешек. В своих ранних интервью Меркьюри никогда не упоминал об этих днях. Очевидно, ему были не по душе окружавшие его серость и консерватизм.

Когда Меркьюри исполнилось девятнадцать, Британия впервые почувствовала приближение грохочущей эпохи, позже названной «свингом шестидесятых». Мир преобразился. В 1965 году прошли первые крупные молодежные демонстрации, тогда же началось повальное увлечение наркотиками. Тысячи юношей в Америке сжигали свои призывные повестки, протестуя против войны во Вьетнаме. Парни и девушки по всей стране отвергали мораль, образ и смысл жизни старшего поколения, утверждая новые ценности. Началась эра моды, музыки и денег. Британские подростки увлеклись шикарной итальянской модой и дизайном. В музыке культивировались ритмы черной Америки — блюз и соул. Это было время Beatles и Rolling Stones.

В 1965 году три группы боролись за лидерство в списках популярности. Beatles выпустили три хита: «I Feel Fine», «Ticket To The Ride», «Day Tripper». На что Rolling Stones ответили хитами

«The Last Time», «Satisfaction» и «Get Off My Cloud».

Музыка в стиле соул тоже не отставала. Отис Реддинг выпустил хит «My Girl»; Уилсон Пиккетт — «Midnight Hour», Suprimes с хитом «Stop In The Name Of Life» четыре раза занимали верхнюю строку в списках популярности. Новая лондонская группа Who, которая давала свои первые концерты недалеко от дома, где жил Меркьюри, дебютировала в списках популярности с «I Can't Explain». Экстравагантные костюмы, бешеный ритм и блюзовое звучание сделало ребят модными кумирами, а «My Generation» гитариста Пита Тауншенда стал гимном лондонской молодежи того шумного времени.

Это было время, когда поп-музыка пыталась выйти из отведенных ей узких рамок. В авангарде нового «интеллектуального» рока встал американский фолк-трубадур Роберт Циммерман, более известный как Боб Дилан. Его альбом «Bringing It All Back Home» оказал решающее влияние на авторов текстов во всем мире и навсегда изменил направление рок-музыки.

В Британии многие звезды рока были выпускниками художественных школ. Среди них почти все «Стоунзы», Свенгали изWho. Неукротимый лидер и гитарист Who Пит Тауншенд организовал свою группу, будучи учащимся художественного колледжа Илинг, на который обратил внимание и девятнадцатилетний Фредди. Такие школы были воплощением свободы и творчества, давали возможность студентам сделать что-то самостоятельно. Идея поступления единственного сына в одно из таких заведений не вызвала восторга у родителей Меркьюри. Но своевольный Фредди все же настоял. Он надеялся, что художественный колледж поможет ему вновь обрести тот волшебный мир, полный игры ярких красок и неистового солнца, который он оставил на Занзибаре и в Индии.

Одноклассники Фредерика Балсара были погружены в разработку новой упаковки для стирального порошка. Двадцатичетырехлетний Фредди, облаченный в бархатные штаны, небрежно набросал несколько эскизов и, как обычно, погрузился в мечтания. Создание упаковок — не та цель жизни, о которой он мечтал. Он думал о дне, когда сможет предложить миру кое-что поинтересней. Например, себя как рок-звезду. Он не спеша встал, развернулся на платформе своих башмаков, взял длинную линейку, один конец которой упер себе в пах. Его левая рука дирижировала в такт мелодии, которую он выводил в воображении, а смуглое лицо отразило переживаемый им экстаз.

Слегка приоткрыв рот, стараясь скрыть выдающиеся вперед зубы, он запел: «Лиловый взгляд в моих мечтах…» Это была

строка из популярной композиции Джимми Хендрикса, к тому времени ставшего наиболее яркой рок-звездой и идолом британского андсграунда. Меркьюри был в восторге от этого бешеного гитариста из Сиэтла, который избрал своим домом все еще свингующую английскую столицу. Фредди притягивало все, что было связано с Хендриксом: от шелковых брюк всех цветов радуги и шифоновых шарфов до его невероятной шокирующей прически. Для Меркьюри этот полуиндеец чероки стал воплощением волнения и тревоги, переживаний, свойственных юности.

В художественной школе он часто рисовал гитаристабунтаря. Его любимая картина изображала Хендрикса этаким франтом в костюме XVIII века. Позже в своих интервью Меркьюри говорил, что наиболее сильно воздействовали на его творчество имиджи Хендрикса и Лайзы Минелли.

Пройдет шесть лет, и он вместо линейки будет держать в руках микрофонную стойку, имитируя игру на воображаемой гитаре. Тысячи поклонников зайдутся от восторга, крича: «Давай еще!» Но сегодняшнее выступление оставило аудиторию равнодушной. «Сел бы ты, Балсара, на место и не занимался ерундой. Рисовал бы лучше картонки для стирального порошка, на большее все равно не способен», — съязвил один из студентов. И он был не одинок в своем мнении. Одноклассник Меркьюри Джерри Хибберт, ныне директор компании, рассказывает: «Фредди был тихий малый. Для всех нас было полной неожиданностью, когда он стал звездой такой величины. В колледже учились более заметные и яркие личности». Грэм Коллис, кинорежиссер, вспоминает, что «Меркьюри был скромняга. Временами хихикал, как гимназистка. Мы не подозревали, что у него талант. А когда он вставал и изображал Джимми Хендрикса, мы старались его заткнуть — мол, все равно ничего не получится».

Грэм Роус, одноклассник Фредди, говорит, что «одевался Фредди отнюдь не экстравагантно. Тонкий, как карандаш, он носил облегающие джинсы или потертые бархатные штаны. Впрочем, мы все так одевались. В целом он был тихоней, но любил иногда посмеяться. Когда это случалось, он рукой прикрывал свой рот, потому что стеснялся выступающих вперед зубов. Не могу припомнить о нем ничего плохого, вполне добродушный тип».

Когда «Куин» достигли вершин славы, в жизни Меркьюри было немало безумных дней и любовных приключений. В колледже за ним не наблюдалось ничего подобного. У него было несколько знакомых девушек, но дружбы ни с кем из парней он не

водил. Одноклассница Розмари Коллис, в течение года проходившая вместе с Фредди курс дизайна одежды, рассказывает: «Я не могу припомнить, чтобы он был популярным у девушек. Он выделялся благодаря тому, что в группе было только двое парней».

По словам одного из учителей, Меркьюри держался в стороне от своих буйных одноклассников и никогда не был среди заводил.

Говорит куратор Питер Даглиш: «Меркьюри был „вещью в себе“. Вероятно, причиной этого была его несколько необычная внешность. Однако не думаю, что он чувствовал себя изгоем». По словам Даглиша, у курса была хорошая репутация: «К нам было трудно поступить или перевестись. Многие выпускники сделали приличную карьеру в разных областях: кино, дизайне, рекламе, живописи, фотографии, прикладном искусстве… Это был талантливый курс. Я преподавал им с удовольствием».

В учебе акцент делался прежде всего на творчестве. Студентам предлагалась идея, которую им следовало развить и довести до конца. Одна из тем задания, которое однажды получил класс Меркьюри, называлась «Бал в саду королевы». Студентам предлагалось создать образы гостей и нарисовать их портреты. Это был первый бал королевы, в котором участвовал Меркьюри. В то время он не могзнать, что это — предзнаменование его судьбы.

Глава 3
Начало «Куин». Уникальный музыкальный стиль.

“Если бы я не занялся этим, мне бы нечего было делать.
Готовить я не умею. Из меня бы не получилась домохозяйка”.

Они чуть не разошлись, как и многие другие. Первые неуверенные шаги в мире рок-музыки группа сделала в 1968 году. Последующие шесть лет музыкантам пришлось бороться за признание, опровергать негативные рецензии, прежде чем перед ними забрезжил успех. Их карьера начиналась в коридорах лондонского Империал — колледжа, где студент-физик Брайан Мэй решил создать рок-группу. К нему присоединились бывший студент-стоматолог Роджер Тейлор и студент факультета искусств Тим Стаффелл, которые и составили группу «Смайл» («Улыбка»). Они подписали контракт с небольшой американской фирмой на выпускодного сингла, оказавшегося для «Смайл» последним. Ничего хорошего из этого не вышло отчасти потому, что сингл был выпущен в Штатах, а сама группа не обеспечила ему достаточную рекламную поддержку.

В 1970 году Стаффелл покинул «Смайл», чтобы попытать счастья в группе «Хампи Бонг». Ему удалось уговорить своего бывшего однокурсника Фредди Меркьюри заменить его в «Смайл». До этого Меркьюри пел в двух малоизвестных группах — «Рекадж» и «Соур Милк Си». В том же году «Смайл» провели первую серию концертов в колледжах и клубах Англии. До 1971 года в группе сменились шесть бас-гитаристов, пока в нее не пришел, Джон Дикон. У группы появилось новое имя — «Куин» («Королева»), придуманное Меркьюри. Он объяснял свой выбор так: «Это простое название, но оно очень величественно и хорошо звучит. Оно однозначно, и его трудно с чем-то спутать».

В 1972 году наметился перелом в судьбе группы. Студия. «Ди Лейн Лиа» попросила опробовать новое оборудование, предлагая в качестве оплаты использовать его для записи. Сыгранные в студии композиции поначалу были отвергнуты несколькими крупными звукозаписывающими компаниями. Только после того, как ребята начали играть в различных лондонских клубах и

пабах, их заметил один из продюсеров компании «Трайдент Аудио Продакшнз». Был подписан контракт на производство, тиражирование и менеджмент, который в скором времени перекупил гигант И-Эм-Ай. Теперь, наконец, «Куин» были на пороге славы. В то время они не осознавали близости успеха, несколько подавленные негативной реакцией на сингл «Keep Yourself Alive». Радио-1 отказалось выпустить песню в эфир, тем самым закрыв ей дорогу в списки популярности. Дебютный альбом также подвергся разгромной критике и фактически потерпел фиаско. Оценили его лишь год спустя, уже после успеха второй пластинки — «Queen II».

Но ребята не собирались сдаваться, они были уверены в своих силах. «Куин» держали головы высоко поднятыми, не обращая внимания на нападки музыкальных критиков, горые похоронили не одну группу. Частые выступления гастроли в конце концов приносят плоды. «Куин» начали завоевывать признание. Выход сингла «Seven Seas Of Rhye» в 1974 году послужил доказательством успеха. Но успех требовалось постоянно подтверждать и завоевывать каждый раз заново, совершенствуя музыкальную технику и рискуя. И в конце концов они пережили диско, панк-рок и более поздние тинэйджерские группы.

Но каждому из музыкантов «Куин» необходимо было время от времени уединяться для работы над индивидуальными проектами. Меркьюри выпустил несколько сольных записей. «LOVE KILLS» (1984) вошла в десятку хитов. Двенадцатью годами ранее он записал «I Can Hear The Music» под псевдонимом Ларри Ларекс. Его соло-сингл «The Great Pretender» занял четвертое место в списках популярности в марте 1987 года. Соло-альбом «Mr. Bad Guy», записанный в Мюнхене, попал в десятку хитов в мае 1985 года. Сольные работы Фредди включали в себя и две песни для мюзикла «Time», поставленного в лондонском Вест-Энде, и альбом «Барселона», записанный вместе с испанской оперной звездой Монсеррат Кабалье.

Роджер Тейлор стал первым из участников группы, начавшим сольную музыкальную карьеру под собственным именем выпуском сингла «I Wanna Testify» в августе 1977 года. Он был более плодовит, чем Меркьюри. Роджер выпустил альбомы «Fun In Space» (1981) и «Strange Frontier» (1984). Возвращаясь к своим рок-н-ролльным «корням», он организовал студийную группу, записавшую два лонгплея — «Shove It» и «Mad Bad And Dangerous To Know».

Брайан Мэй успешно занимался продюсерской деятельностью и принимал участие в сейшнах, работая с такими разножанровыми исполнителями, как «Бэд Ньюс» (пародийная

хэви-металлическая группа) и Анита Добсон (актриса, звезда «мыльных опер»). Он также записал несколько песен со «Стар Флит Проджект», вошедших в мини-альбом 1983 года.

Басист Джон Дикон, автор хита «Куин» «Another One Bites The Dust», сформировал группу «Иммортелс», сочинившую и исполнившую музыку к фильму «Biggles». Тем самым он доказал, что также имеет собственный музыкальный имидж, который не даст ему затеряться на фоне других участников «Куин». Сама же группа «Куин» была необычайно плодовита. В то время как менее удачливые коллективы выпускали по одному диску в четыре года, «Куин» в период с 1973-го по 1991 год делали в среднем по альбому каждый год.

Хотя Меркьюри был, без сомнения, самым выдающимся в группе, все-таки «Куин» — это не один Фредди. Брайан Мэй, Роджер Тейлор и Джон Дикон были неотъемлемой частью ансамбля. Без них «Королева» не была бы «Королевой». Каждый был талантливым музыкантом, особенно Мэй. Его новаторский стиль игры на гитаре был визитной карточкой «Куин», в той же степени, что и вокал Меркьюри. Все сочиняли песни и с головой уходили в изнуряющую работу по записи альбомов. И каждый руководствовался своим представлением об образе группы.

Меркьюри не был одинок в своих безумствах. Ударник Роджер Тейлор, красавчик блондин, мог ему дать фору по этой части. И хотя острый ум и общительность Меркьюри позволяли ему говорить от имени всей группы, это не ставило его в оппозицию к остальным. У всех музыкантов было высшее образование и полушутливые степени «академиков рока». При этом каждый из них мог выступать от имени группы. Однако имя Меркьюри чаще других мелькало в газетных заголовках, что, впрочем, не давало остальным повода для зависти, как это было в других ансамблях.

Ключ к успеху группы, на протяжении двадцати лет царствовавшей на вершине рока, чьи пластинки тиражировались миллионами, был в музыкальной разносторонности. Обладая неповторимым звучанием, песни «Куин» не были похожи Друг на друга. Много было написано о синтезе в их творчестве рока и классической музыки, яркий пример этого — неповторимая «Богемская рапсодия», покорившая всех потрясающим сочетанием: многоголосие оперного хора и гитары. Однако эта песня представляла собой нечто большее, чем просто, как писали критики, синтез «Кармен» и «Лед Зеппелин».

«Куин» стали исполнять хард-рок наравне с любой командой стиля хэви-метал. Они могли завести на стадионе многотысячную аудиторию, которая тотчас же подхватывала «We Are The

Champions». С таким же успехом они играли диско — «Another One Bites The Dust», «Under Pressure». Они создавали футуристические звуки, как, например, в блистательной «Radio Ga Ga», и нежные рок-баллады вроде "A Kind Of Magic или посмертной «These Are The Days Of Our Lives» — одной из самых трогательных песен группы. Они были авторами стеба «Fat Bottomed Girls» и величественных манифестов, как, например, «I Want To Break Free». Они писали песни с сильными и значимыми текстами («One Vision»), и с текстами, лишенными какого-либо смысла. Им удавалось сделать попурри «Crazy Little Thing Called Love» на темы песен Элвиса, которое казалось творением великого Пресли. Трудно представить, что автор этой песни написал и «Богемскую рапсодию»…

Из года в год «Куин» предлагали своей аудитории что-то новое. А публике группа не только не надоедала — армия фанов неизменно увеличивалась. За всю музыкальную карьеру «Куин» было выпущено 19 альбомов, а круг музыкальных интересов участников ансамбля казался безграничным. Группа неизменно двигалась вперед. Иной раз, правда, что-то получалось не совсем удачным, но отнюдьне скучным — в этом музыкантов никто не мог упрекнуть А им приходилось постоянно совершенствовать себя и свою музыку, чтобы оставаться в авангарде рока в течение двух десятков лет. При этом они старались избегать двух опасностей, подстерегающих рок-исполнителей: не стоять на месте и не идти на поводу у большинства обожателей Им это удавалось. Группа удачно экспериментировала с разнообразными музыкальными стилями, одновременно оставаясь собой, — редкое свойство, о котором многие команды могут только мечтать. Тем более что это происходило в то время, когда музыкальная мода менялась чуть ли н[ежедневно.

За двадцать лет работы «Куин» смогли расширить границы рока, используя оперу, фанк, танец и незабываемые вокальные партии, которые будут слушать и через пятьдесят лет. Меркьюри, безусловно, был самым щедрым на песни а все члены группы — талантливыми сочинителями бесконечного списка хитов. Брайан Мэй был автором «We Will Rock You». Роджер Тейлор написал «Radio Ga Ga», а Джон Дикон — «I Want To Break Free». В каждом альбоме была своя жемчужина.

Однажды Меркьюри так изложил манифест группы: «Я нарочно сочиняю вещи не в стиле „Куин“. Люблю делать что-то новое. Иначе в чем смысл нашей работы? С таким же успехом можно тиражировать свои старые записи. Я люблю работать над тем, чего не делал прежде».

Их первая пластинка — «Queen» — не смогла взять штурмом

списки популярности. И даже самая впечатляющая, песня на этом диске, их первый сингл «Keep Yourself Alive» не попала в сорок лучших хитов. Но альбом показал, что молодые музыканты способны на многое. Помимо вокальных партий Меркьюри, пластинка представила невероятно смелые партии гитары. Именно гитара в духе глэм-рока «Лед Зеппелин» привлекла любителей харда. И хотя Меркьюри с товарищами терпеть не могли, когда их подгоняли под стереотипы, и больше всего хотели быть оригинальными, нашлись люди, которые по достоинству оценили их творчество, и пластинка была успешно распродана.

Каждый новый альбом «Куин» увеличивал армию поклонников. Им нравились постоянные перевоплощения кумиров. Во время пика популярности клуб фанов «Куин» только в Британии насчитывал более сорока восьми тысяч членов. Загадка группы состояла в том, что если один альбом мог быть настолько неудачным, что просто выводил из себя, то другой обязательно «попадал в яблочко» и сражал наповал. Им всегда удавалось преодолевать полосу неудач, ошибок, смятения. К ним не подходили никакие стереотипы.

Меркьюри как-то сказал: «Не люблю, когда вешают ярлыки. Они все равно на мне не держатся. Музыка должна быть открытой дверью».

В марте 1974 года вышел альбом «Queen II», песня «Seven Seas Of Rhye» с которого попала в списки хитов. Это было началом популярности. Сингл прекрасно отвечал запросам, предъявляемым к хитам того времени, среди которых были гитарный рок «T. Rex» и «Slade». Хотя и «Seven Seas Of Rhye» стал первым хитом «Куин», сам альбом не намного отличался от своего предшественника. Сингл был безусловным успехом на фоне других сомнительных песен на диске вроде «Ogre Battle» и «The Fairy Feller's Master-Stroke». Конечно, мастерство группы выросло, но до волшебной «Куин» было еще далеко.

В том же году группа выпустила новый альбом, продемонстрировавший, на что она действительно способна. «Sheer Heart Attack» вышел восемь месяцев спустя после «Queen II» и убедил даже сомневающегося Джона Дикона, что «Куин» представляют собой нечто особенное: "Я пришел в группу позже других и поэтому у меня был свежий взгляд на вещи. Я предполагал, что мы можем многое, но окончательно убедился в этом лишь после «Sheer Heart Attack».Альбом включал в себя классическую «Killer Queen», раскрывающую возможности квартета. Одно направление в песне плавно сменялось другим в течение секунд. Она сразу заняла в десятке лучших хитов страны

вторую строчку вслед за «Seven Seas», совсем немного нс дотянув до вершины. Успех песни Меркьюри, которая по построению напоминает будущую «Богемскую рапсодию», дал ребятам заряд уверенности, и они продолжили эксперименты с музыкальными формами. Вместе с «Now I'm Here» Брайана Мэя — еще одним хитом — пластинка показала, что «Куин» может предложить и вполне изящную музыку с небольшими рок-вкраплениями.

После появления в 1975 году судьбоносной пластинки «A Night At The Opera» мир музыки уже не сомневался в могуществе «августейшей особы». Основой альбома была «Богемская рапсодия» — наиболее авангардное и захватывающее произведение в жанре рока. Впервые прозвучав в октябре 1975 года, «Богемская рапсодия» находилась на вершине национальных списков в течение девяти недель (рекорд был побит песней «Everything I Do I Do It For You» Брайана Адамса лишь много лет спустя, когда Меркьюри боролся за жизнь). Это была первая «сорокапятка» «Куин», достигшая вершин популярности. Ее успех позволил группе стать законодательницей моды в роке. Теперь никто не мог позволить себе назвать «Куин» претенциозной и неудачной смесью «Мад» и «Лед Зеппелин». Хотя уже три их сингла («Seven Seas Of Rhye», «Killer Queen» и «Now I'm Here») стали хитами, музыканты «Куин» прекрасно понимали, что это только начало.

Успеху «Куин» способствовало и то, что в это же время был заключен договор с более удачливым и цепким менеджером Джоном Ридом, который одновременно работал и на Элтона Джона. Контракт был подписан за несколько недель до выхода «Богемской рапсодии».

Композиция была написана под руководством Меркьюри с помощью продюсера Роя Томаса Бейкера. Когда Бейкер впервые услышал фрагменты «Богемской рапсодии», у него отвисла челюсть. Меркьюри проиграл тему на фортепьяно и с королевским апломбом обратился к ошеломленному продюсеру: «А затем, дорогуша, начинается оперный кусок».

Совместить два совершенно разных стиля в одном поп-сингле было не просто необычно — это предвещало катастрофу. Но только не для Меркьюри, который был настроен бороться за свою идею до конца. То, что в рабочих наметках фигурировало как «небольшие оперные вкрапления», на пленке оказалось феерией в восемьдесят голосов. Несмотря на это, рок не затерялся в этой композиции, два стиля сочетались необыкновенно гармонично.

Запись с многочисленными переделками и добавлениями заняла у Меркьюри три недели. «Фредди постоянно что-то менял и вставлял в этот кусок. Он знал, как эта часть должна звучать, но

никому не говорил, пока все не стало на свои места», — вспоминает Бейкер.

Затем перед Меркьюри встала еще одна проблема. Последний вариант записи «Богемской рапсодии» получился продолжительностью 6 минут — почти вдвое дольше времени звучания обычного сингла. Это повергло в смятение боссов И-Эм-Ай. Композиция, по их мнению, не только была трудна для восприятия, но, что еще печальнее, вряд ли получит столько драгоценного времени в эфире. А без исполнения по радио песни хитами не делаются. Но музыканты наотрез отказались вносить какие-либо изменения или сокращать свой опус. «Мы совершенно уверены, что „Богемская рапсодия“ может стать хитом именно в таком виде. Мы готовы на компромиссы во многом, но не позволим кромсать песню», — говорил Меркьюри.

Несмотря на браваду, у Меркьюри все же были сомнения. О них-то он и поведал Кенни Эверетту, бывшему в то время диск-жокеем на Радио-1. Эверетт, хороший знакомый Меркьюри, попросил запись композиции. «Богемскаярапсодия» понравилась популярному жокею. Он был уверен, что слушатель ее примет. «Более того, — вспоминал Эверетт, — я с самого начала знал, что это хит. И абсолютно не имело значения, сколько в нем минут».

Эверест несколько раз пускал песню в эфир. Растущий интерес к ней заставил наконец руководство И-Эм-Ай начать ее тиражирование. Это был первый сингл, выпущенный группой за десять месяцев. Именно он позволил ей стать одним из лидеров рок-сцены.

Несмотря на это, критики отнеслись к песне неоднозначно. Некоторые называли ее слишком претенциозной. тяжелой, абсурдной. Однако месяц спустя «Богемская рапсодия» достигла пика популярности и составила достойную компанию таким хитам 1975 года, как «Space Oddity» Дэвида Боуи и «Sailing» Рода Стюарта.

Альбом «A Night At The Opera» между тем произвел революцию и в производстве музыкальных видеоклипов. Причем произошло это случайно. Группа не успела записаться для «Top Of The Pops» — самой популярной музыальной передачи на телевидении, участие в которой гарантирует успех продажи пластинок. «Куин» попросили режиссера Брюса Говерса снять рекламный фильм, в котором группа исполняла бы одну из своих песен.

Производство фильма обошлось всего в 5 тысяч фунтов и стало предметом обсуждения в шоу-бизнесе на многие месяцы. Сейчас немыслимо представить, что такой суммы хватило бы на видео; к примеру, клип Майкла Джексона «Black Of White» с

альбома «Dangerous» обошелся в 4 миллиона фунтов! Но в то время И-Эм-Ай считала, что ей пришлось здорово раскошелиться. Когда видео было передано в «Top Of The Pops», у многих глаза на лоб полезли от доселе не виданных видеоэффектов, сопровождающих музыку.

Воротилы рока не осмелились называть фильм просто рекламным роликом. Тем более в том, что сингл занимал

первое место в течение 9 недель, была и заслуга фильма. Клип «Богемская рапсодия» задал моду на новое течение в рок-бизнесе. С тех пор видео стало неотъемлемой частью творчества групп: отныне для каждой новой песни, которая метила в хиты, снимали клип.

Пластинка «A Night At The Opera» развила успех, заложенный альбомом «Sheer Heart Attack» годом раньше. Записанная при участии Роя Томаса Бейкера, она содержала еще два хита. Одним из них была композиция Джона Дикона «You're My Best Friend», повторившая успех «Killer Queen» по обоим берегам Атлантики и также вошедшая в лучшую американскую двадцатку. Но для многих настоящей жемчужиной альбома стала баллада «Love Of My Life», вышедшая отдельным синглом и на ура принятая во многих странах. Во время гастролей «Куин» в Бразилии огромная аудитория пела ее вместе с музыкантами слово в слово. (Поразительно, но факт: в Великобритании в 1979 году сингл занял лишь 69-е место в списках.)

Поражая мир рока своей работоспособностью, «Куин» выпускают очередной альбом с названием, заимствованным у фильма Марка Брозера, — «A Day At The Races». Таким образом, почти год спустя после выхода лонгплея «A Night At The Opera» группа выдала еще три первоклассных хита: «Tie Your Mother Down», «Good Old-Fashioned Lover Boy» и поражающий многоголосным вокалом «Somebody To Love», которые обеспечили альбому «серебро» в британских списках. (Когда «Куин» спросили у Брозера разрешение на использование для альбома названия его фильма, ответ был таким: "Я признателен, что вы дали своему столь удачному альбому название моего фильма. Я буду очень рад, если вы назовете свою следующую пластинку, как мой последний фильм — «The Greatest Hits Of The Rolling Stones»).

Шестой альбом группы — «News Of The World», выпущенный в 1977 году, подарил спортивным болельщикам два впоследствии знаменитых и любимых гимна — «We Will Rock You» и «We Are The Champions».

Выпуском альбома «Jazz» в 1978 году «Куин» не ставили целью показать, что они могут творить и в стиле Майлса Дэвиса. В то же время на пластинку вошло достаточно много

разностороннего материала, отчасти оправдывающего ее название. Диск включал в себя и балладу «Leaving Home Ain't Easy», ритмичную «Bicycle Race», заводную «Don't Stop Me Now» и причудливую «Fat Bottomed Girls».

Затем последовал альбом «The Game» (1980). В него вошла мощная баллада «Save Me», в которой Фредди в полную силу использовал свои вокальные способности. И попурри Элвиса «Crazy Little Thing Called Love» — в нем Меркьюри дебютировал на ритм-гитаре. Но подлинным достижением стал «АпогЬег Опе Вкез ТЬе Вияг» с его фанк-ритмами и захватывающими басовыми партиями. «Куин» здесь в совершенстве освоили стиль диско, считавшийся ранее уделом черных музыкантов.

Следуя моде, группа впервые использовала синтезатор. Однако музыканты не злоупотребляли электроникой, что было свойственно многим ансамблям. Им удавалось эффективно сочетать традиционные инструменты с новыми техническими возможностями.

Одновременно в карьере группы наметился необычный поворот, который вскоре завоюет для нее новую аудиторию — поклонников кино. Ей предложили написать музыку к ставшему впоследствии популярным мультфильму «Flash Gordon». В то время использование в кино рок-музыки было редкостью. Мир кино еще не подозревал, какую пользу он может извлечь из написанных специально для фильма рок-композиций. Но Меркьюри, Тейлор, Мэй и Дикон после просмотра фильма были заинтересованы открывшимися возможностями. Чутье их не подвело — сингл «Flash», представляющий собой удачную смесь текста, произносимого актерами, и рокочущих хоров, взлетел на вершину хит-парадов. А сам альбом вошел в десятку лучших лонгплеев. Особенностью пластинки являлось то, что вокальные партии Меркьюри были здесь ограничены, зато поражало необыкновенное инструментальное сопровождение Мэя и остальных.

Майк Ходжес, режиссер фильма, вспоминает: «У „Куин“ было то чувство задора и та легко узнаваемая манера, которые нам были нужны. И самой группе понравился фильм. Он дал им возможность поребячиться. С ними было очень интересно сотрудничать. Не возникало никаких конфликтов, все старались помогать друг другу».

«Куин» работали три месяца над увлекательной фантазией о супермене и еще три недели — над записью и клипом сингла «Flash».

После просмотра фильма группа принялась за музыку. В течение трех месяцев они приходили к авторам фильма со своими

темами по одному и все вместе. Меркьюри работал неутомимо, с той же энергией и динамикой, с которыми он отдавался всем проектам.

Говорит Ходжес: «Он был очень дотошный и все тщательно продумывал, прежде чем начать работать. У Фредди было особенно развито визуальное воображение — то, что нам подходило. Большинство постановочных идей принадлежало ему».

Меркьюри был не только блестящим музыкантом, но и отличным актером. Он отличался нетерпеливостью и во всем пытался добиться совершенства. «Не случайно у него было имя — Меркьюри (Ртуть), так как он действительно был очень подвижный! Как актер он выкладывался полностью, был очень пластичный, отлично владел телом. Другая его черта — безукоризненное чувство времени. Он был уверен в себе и знал путь к успеху. Он обладал взрывным характером и не скрывал нетерпения, если что не получалось сразу», — вспоминает Ходжес.

Но Меркьюри совершенно менялся вне сцены. «В обычной жизни он был скромным и даже застенчивым, казался удивительно маленьким и ранимым. Возникало желание защитить его. Но все, что происходило во время концерта, поражало. Можно предположить, что он использовал какие-то стимуляторы. Даже если он это делал, то очень разумно. Я ничего такого не видел. Полагаясь на свой опыт, могу сказать, что это была очень профессиональная и серьезная группа», — продолжает Ходжес.

Фильм «Flash Gordon» нашел горячий отклик как у фанатов стиля хэви-метал, так и у любителей кино. Следующим диском стал «Greatest Hits», в который вошли лучшие десять хитов, в том числе знаменитая «Богемская рапсодия». Он еще раз продемонстрировал захватывающие инструментальные и вокальные возможности группы. Даже спустя десять лет эта музыка не устарела.

Вдохновленные успехом, «Куин» приступают к работе над новым альбомом в соавторстве с Давидом Боуи, которое обещает стать увлекательным. Результатом этого сотрудничества столь разных партнеров стал сингл «Under Pressure», взлетевший на вершину британского списка популярности.

Альбом «Hot Space» с завораживающей «Under Pressure», выпущенный в 1982 году, развил танцевальное направление творчества группы. У музыкантов уже был подобный опыт — «Another One Bites The Dust», написанный Диконом. Но на этот раз они хотели, «…чтобы у публики отвалились ноги». В альбом

вошли «Back Chat», «Body Language» и «Las Palabras De Amor». Однако он не произвел желаемого эффекта — многие из их поклонников не смогли принять смены стиля. И «Under Pressure» была единственной песней, вошедшей в «горячую десятку». Однако ребят это не смутило, и они с наслаждением исследовали новые формы.

После «Hot Space» «Куин» не выпускали студийных альбомов в течение двух лет. Этот период был посвящен работе над сольными проектами. Перерыв был действительно полезным: собравшись снова, группа выпустила один из лучших своих альбомов.

«The Works» (1984) не только завоевал для них более молодую аудиторию — он стал самой удачной работой. Пластинка состояла из целой серии хитов, объединяя авангардную «Radio Ga Ga» и совершенную во всех отношениях «Hammer To Fall» Брайана Мэя. Среди других шлягеров были «It's A Hard Life», а также «I Want To Break Free», ставший гимном свободы борцов против тирании в Южной Америке и Южной Африке. В диск также вошла баллада «Is This The World We Created?..», которую Меркьюри и Мэй исполнили на знаменитом концерте «Live Aid».

На следующий год появился «Complete Works», собравший песни со всех дисков, включая мини-альбом «Complete Vision». На нем были представлены следующие песни: праздничный хит «Thank God It's Christmas», «Seven Seas Of Rhye», «Radio Ga Ga», «See What A Fool I've Been», «I Go Crazy».

Еще через год новый альбом «A Kind Of Magic» побил все рекорды группы по количеству проданных пластинок. Большинство песен альбома были написаны специально для фильма «Highlander» («Горец»).

Пластинка заняла первые места в списках, а синглы стали бестселлерами во всем мире. «One Vision», посвященная Бобу Гелдофу, организатору «Live Aid», заняла седьмую строчку, в то время как «A Kind Of Magic» держалась на третьем месте списка популярности в течение одиннадцати недель. Обе песни демонстрировали огромный творческий диапазон группы: «One Vision» безоговорочно принадлежала стилю рок, другая же была милой фантазией. В альбом также вошли «Princes Of The Universe», «Who Wants To Live Forever» и «Don't Loose Your Head».

Следующий альбом — «The Miracle» — вышел лишь в 1989 году. Критики называли его «неинтересным». Помимо «The Invisible», пластинка не принесла никаких сюрпризов. Два его сингла — «I Want It All» и «Breakthru» — вошли в горячую десятку. И все же альбом, включавший также сингл «The Miracle» и

трогательную «Was It All Worth It», стал бестселлером, подтвердив преданность фанов своей группе.

В 1988 году Би-Би-Си выудила из своих архивов и издала под названием «Queen At The Beeb» 8 песен, записанных в студии корпорации в 1973 году. Они представляли интерес лишь для самых заядлых поклонников группы.

«Innuendo» стал последним студийным альбомом. Он был записан в феврале 1991 года, за 9 месяцев до смерти Меркьюри. Группа снова обрела форму, представив несколько великолепных песен. Мир был потрясен и совершенно по-другому воспринял его, когда узнал, что испытывал Меркьюри, работая над этим альбомом. Заглавная песня стала первым синглом группы, который завоевал вершину списков сразу же по выходе. И третьим, наряду с «Богемской рапсодией», — из самых продолжительных (более 6 минут) по звучанию — фаворитом британских хит-парадов. Песня представляла собой плавное смешение трех частей и была аллюзией на классическую «Богемскую рапсодию».

Второй сингл — «I'm Going Slighty Mad» был нетипичен для стиля «Куин», особенно его забавный текст. Однако на пластинке было предостаточно тяжелого рока: «The Hitman», «Headlong», «I Can't Live With You». Перлами альбома стали «Bijou» с его великолепными гитарными партиями и берущий за душу «These Are Days Of Our Lives», в котором Меркьюри вспоминает свою жизнь (Позже эта песня вместе с «Богемской рапсодией» появилась на сингле, выпущенном специально в память о Меркьюри).

На видео Меркьюри выглядит больным и изможденным. Одежда висит на нем, а лицо похоже на посмертную маску. Но альбом получился живой, с присущим «Куин» очарованием.

Глава 4
Неутомимый шоумен на сцене и в кино.

“Мне нравится королева, она тоже иногда любит пошутить”.

По понятиям Фредди Меркьюри, это был более чем скромный прием. Двенадцать обнаженных до пояса официанток с бутылками шампанского дефилировали среди околомузыкальной знати, пришедшей за кулисы поздравить «Куин» с удачным выступлением в нью-йоркском «Мэдисон сквеа гарден». Банкет был назначен на более позднее время.

Я постепенно начинал приобщаться к жизни свиты, повсеместно окружавшей короля Фредди. Несколько часов назад в нью-йоркском аэропорту имени Кеннеди меня подобрал белый лимузин величиной с загородное бунгало и доставил в гостиницу, где я мог привести себя в порядок перед аудиенцией с великим магистром рока.

Меркьюри хотя и был самой экстравагантной звездой рока, по сравнению с ним Элтон Джон казался просто невинной гимназисткой, однако, когда речь заходила о чем-то сокровенном, делался неприступным и замкнутым. Обладая острым как бритва языком, Фредди никогда не обнажал душу. На этот раз мне повезло — у меня получилось самое откровенное интервью, какое я когда-либо делал с артистом такого масштаба.

На Фредди была белая майка, а в руках — пластиковый стаканчик с шампанским и сигарета. Он был в прекрасном настроении и немного расслаблен. По его словам, он собирается «взять от жизни все». Приблизив ко мне блестящие карие глаза, он заговорщически внушал: «Крайности — часть моей натуры. Скука — это болезнь. Я не могу жить без риска и опасности. Я не создан для того, чтобы сидеть дома и глазеть в „ящик“. Я определенно сексуальная натура: у меня постоянное желание. Раньше я говорил, что могу переспать с кем угодно, теперь стал более разборчивым. Но из меня не получился бы семьянин. По натуре я человек беспокойный, даже взвинченный. Часто это пагубно отражается на мне и окружающих». Вне сцены он был так же эмоционален, как и во время концертов, и сегодня не боялся признаться в этом.

Он отставил свой стаканчик, который тут же поспешили наполнить. Дирижируя в такт своим словам, Фредди с трудом переводил дух и продолжал, все более увлекаясь: «Если я влюбляюсь, то по уши. Я не приемлю полумер и компромиссов. Ни в чем. Я отдаю все, что у меня есть». Когда я завел разговор об экзотических клубах, которые он любит посещать, Фредди рассмеялся: «Мне нравятся клубы в Нью-Йорке. Однажды я хотел пойти в клуб „The Gilded Grape“, о котором много слышал. Но меня уговаривали не делать этого. А если все-таки я решусь, то перед входом в клуб меня, мол, должен ждать мощный бронированный автомобиль. Все это меня еще больше заинтриговало».

Каким-то образом Меркьюри удалось найти необычного компаньона для этого мероприятия — чемпионку Уимблдона Билли-Джин Кинг. «Вскоре после того, как мы пришли туда, прямо около нашего столика началась грандиозная драка. Вокруг летали столы, кровь лилась рекой. На Билли не было лица, но меня все происходившее забавляло. Я попытался ее успокоить и потащил танцевать. Это было гораздо интереснее, чем просто сидеть в ресторане моего отеля. Жизнь дается для того, чтобы жить. Поверь мне, я бы делал то же самое, даже если бы судьба сложилась по-другому».

Когда я спросил, есть ли что-то, чего ему не хватает, он впал в раздумье. Выражение его лица потрясло меня, когда он произнес: «Счастья. Не думаю, что оно у меня есть».

Меркьюри мог быть дерзким и напыщенным, а спустя минуту нежным, ранимым и чувственным. На сцене он представал сгустком эмоций, которые аудитория переживала вместе с ним. Дэвид Боуи, также обладающий великолепными актерскими качествами, однажды так отозвался о Фредди: «Он был звездой, которая могла держать аудиторию на своей ладони».

Представления группы были блестящим сочетанием театра и музыки. Однажды Меркьюри говорил мне: «Для меня играть перед большой толпой — состояние непревзойденное. Когда я завожусь, прийти в себя могу лишь через несколько часов». На концертах Меркьюри работал самозабвенно, с огромной отдачей. Ему хотелось покорить буквально каждого слушателя. Это было незабываемое зрелище: тысячи фанов подпевали и раскачивались в такт «Crazy Little Thing Called Love» или «Radio Ga Ga». Фредди мог околдовать любую аудиторию, хотя сам предпочитал употреблять слово «общаться».

В Рио во время исполнения «Love Of My Life» 350 тысяч человек пели вместе с ним слаженно, подобно хору, внимающему дирижеру. В Монреале он носился по сцене в одних белых

шортах, а зрители бешено танцевали под «Another One Bites The Dust».

Выступления Меркьюри были исполнены драматизма. Он любил представлять сэра Лоуренса Оливье на рок-сцене. Чуть откинута назад голова, ноги на ширине плеч, вытянутые вдоль бедер руки, в то время как вокруг него закручивался музыкальный вихрь. Или же он важно вышагивал по сцене, время от времени вращая головой, словно павлин, которого накачали кокаином. Иногда он устремлял микрофонную стойку вверх, как ракету, а то прятал ее за спиной, как ружье, копируя знаменитую позу Джеймса Дина…

Особая тема для разговора — его сценическая одежда, по части которой Меркьюри был авангардистом в своем жанре. Шелковые облегающие костюмы с глубоким вырезом на груди, шубы и бархатные штаны, короткие жилетки, колготки и балетные тапочки. «Мне все годится. Например, однажды Нижинский танцевал в костюме из тончайшей марли. Я не делаю этого, чтобы не шокировать публику. Это же театр. Я люблю красивые костюмы», — говорил Меркьюри.

В сентябре 1976-го «Куин» давали концерт в лондонском Гайд-парке. Меркьюри появился перед 150-тысячной аудиторией в облегающем серебряном трико с разрезом до пояса и с черным лаком на ногтях. В феврале I977-го публика в нью-йоркском «Мэдисон сквеа гарден» зашлась от восторга, когда в финале Меркьюри разоблачился до трусов.

Самые впечатляющие шоу музыканты дали во время турне по Южной Америке. «Куин» была первой значительной рок-группой, взявшей приступом континент. Восемь концертов под открытым небом в Бразилии и Аргентине в марте 1981-го с лихвой утолили жаждущую рока местную публику. Стадион в Аргентине взорвался, когда во время поднятия национального флага Меркьюри появился на сцене в узких шортах. Позже он говорил: «Я хотел им преподать урок. Они считали, что мужчины не должны носить шорты. Появись я в шортах на улице, я был бы немедленно арестован». Концерты «Куин» в Аргентине были бесподобны во всех отношениях и превзошли все ожидания публики.

«Однажды мы смотрели фильм с участием какой-то Аргентинской группы. У ребят была всего-навсего пара усилителей и четыре светоустановки. Мы же хотели показать, каким может быть настоящее шоу», — вспоминал Меркьюри.

Группа потрясла и 80 тысяч своих поклонников в Венгрии, в 1986 году, во время первого исторического концерта за «железным занавесом». Тогда на Запад еще косились с

подозрением, поэтому и для «Куин», и для всех венгров это был громадный шаг вперед. Около 250 тысяч человек из всех стран восточного блока хотели попасть на концерт. В Будапеште Меркьюри исполнил с листа венгерскую народную песню «Tavaski Szel», чем сразил аудиторию наповал. Некоторые зрители не смогли сдержать эмоции, и первые ряды пришлось остужать ведрами воды. Дэнис О'Реган был официальным фотографом группы во время этого турне. Он вспоминает: "Мне нравилось работать с группой. Они были прекрасные ребята и большие профессионалы. Особенно выделялся Фредди. Он иногда мог изображать этакого гранда. Однажды в Германии после концерта мы все сидели у Фредди и смотрели по телевизору футбол. К тому времени, когда, матч закончился, все лимузины были отпущены. Ребята начали шевелиться, чтобы найти, на чем доехать до местного фан-клуба. Когда я спросил Фредди, нашли ли транспорт, он посмотрел на меня и сказал свысока: "Да, дорогуша. Я предполагаю, мы поедем на чем-то, что называется «такси».

О'Реган также вспоминает, что во время гастролей в Будапеште Меркьюри поселился в огромном номере «люкс», предназначавшемся главам государств и членам королевских фамилий. "Номер был настолько большим, что все остальные участники группы специально приходили посмотреть на него. Пока они глазели, Фредди сказал: «Все люксы одинаковы, хотя некоторые более одинаковы, чем другие». На что Роджер ответил: «Да, этот хренов номер более одинаков, чем мой».

Гастроли 1986 года были самыми впечатляющими. На а6 концертах по всей Европе побывало более одного миллиона зрителей и 400 тысяч — в Британии. Меркьюри был на высоте, при полных регалиях: темно-красная мантия, отделанная горностаем, и корона, инкрустированная камнями. Штатный художник «Куин» Дайана Мосли говорит, что мантия весила 20 фунтов и была сделана из 14 метров красного бархата, отделанного мехом, золотом и обшитого шелком. Мосли назвала ее «коронационной мантией Наполеона». Она стоила 1500 фунтов .

В июне 1986-го в спортивном парке Мангейма (Германия) Меркьюри еще раз подтвердил, что он действительно рок-король, чью волю трепетно исполняют обожающие его почитатели. Он дирижировал хором из восьмидесяти тысяч немцев, исполнявшим британский национальный гимн. Позже, на «Уэмбли», развернулось еще более захватывающее шоу. Меркьюри, одетый в костюм олимпийца, преодолев два пролета лестницы, зажег гигантский факел, на фоне которого в небо взлетели огромные

надувные куклы…

Несмотря на репутацию «Куин» как безукоризненных шоуменов, не все и не всегда получалось гладко. В 1974 году во время первых гастролей в Америке Брайан Мэй слег с приступом гепатита. Мэй вспоминает: «Все наши планы полетели коту под хвост, и нам пришлось отменить концерты на целый месяц. Мы вернулись домой, где я долго провалялся в кровати». Несчастье преследовало группу и во время гастролей по Америке год спустя. На этот раз в разгар турне у Меркьюри, нещадно эксплуатировавшего свой голос, что-то произошло со связками. Пришлось отменить семь концертов.

Случалось и так, что некоторые шоу просто не начинались. В 1982 году группа отменила два выступления на футбольных стадионах «Манчестер Юнайтед» и «Арсенал». Проблема самая тривиальная — нехватка общественных туалетов. Все передвижные туалеты, как говорят, были установлены вдоль маршрута следования Папы Римского во время его визита в Британию.

Хотя «Куин» была одной из самых аполитичных групп и не призывала никого на баррикады, как многие другие, в 1984 году во время нескольких концертов в Южной Африке она оказалась в центре политического скандала. Говорят, Меркьюри намекнул, что «там можно сделать неплохие деньги». Группа попала в черный список ООН за нарушение культурного бойкота расистского режима. В Британии профсоюз музыкантов применил санкции против «Куин». Не помогли и заверения участников группы, что они осуждают апартеид, и объяснения, что, дескать, акция была предпринята для «наведения мостов». Музыканты «Куин» пытались опротестовать санкции и в конце концов отделались штрафом в 2 тысячи фунтов. Но концерты в Южной Африке все-таки отрицательно повлияли на имидж группы в глазах либеральных поклонников. Брайан Мэй заметил тогда: «Вся критика почему-то исходит из мест, очень далеких от ЮАР». Вдобавок приключилась еще одна неприятность: тысячи африканцев в Сан-Сити были разъярены, когда пришлось отменить концерт из-за того, что Меркьюри в очередной раз потерял голос.

Случалось так, что музыканты оказывались в глупых ситуациях из-за сущей ерунды. Так, во время шоу в Рио в 1985 году Меркьюри появился на сцене перед 325 тысячами поклонников в облегающем женском платье, в парике, с накладными грудями. Как только он начал петь «I Want To Break Free» (хит предыдущего года — этот клип постоянно крутили во многих странах), из публики на сцену полетели камни.

Ошарашенный и огорченный Фредди не понял сразу, что фаны в Южной Америке ценили эту песню прежде всего за ее текст. В ней они слышали призыв к свободе и борьбе против репрессивных режимов. Постепенно до Меркьюри дошло, что всему виной его внешний вид. Молниеносно сбросив с себя накладной бюст и парик, он сразу успокоил аудиторию. Позже с иронией, хотя и немного расстроенный, он вспоминал этот эпизод, добавляя, что «Куин» не первая королева, которая оказалась под градом камней.

Работа в любой группе, образно говоря, подобна жизни в семье. И, как многие другие в браке, участники группы «Куин» были подвержены ссорам и угрозе развода. Газетные домыслы и слухи, будто группа находится на грани разрыва, сопровождали «Куин» на протяжении всей карьеры. Мэй вспоминает: «В худшие времена мы даже не разговаривали друг с другом… Работать в группе — это как быть женатым, даже еще труднее: у тебя не один партнер, а три, каждый из которых тянет в свою сторону…»

Но несмотря на внутренние дрязги, группа продолжала существовать. До того как умер Меркьюри, ее участники были вместе 20 лет.

Их партнерство и не могло быть безоблачным: все четверо независимые, с сильной волей, личности, которые знали, чего хотят. Хотя Меркьюри и был движущей силой группы, никто не хотел оставаться на вторых ролях, уступив ему право безраздельно командовать шоу. Скандалы возникали по любому поводу — от недовольства чьей-то игрой на гитаре до длины волос — и были очень бурными.

Как-то Меркьюри признался мне: «Я очень эмоционален, и характер у меня отнюдь не сахар. Это порождает множество проблем в группе. Тем более что все мы разные. Я могу быть и легким, и тяжелым в общении. Но что касается музыки, я хочу совершенства. Быть за спиной лидера мне никогда не улыбалось. „Куин“ способна сотворить великие вещи, но иногда великие вещи требуют большой смелости. Бывали времена, когда мы на дух друг друга не переносили. Было время, когда все казалось слишком узким и ограниченным, когда мне нужен был полугодовой отдых. И я получал его. Жизнь группы состоит из работы в студии над альбомом, а затем гастролей. И все это повторяется десятки раз. Мне это надоедало, и я хотел свободы. Я думаю, что никогда нельзя давать себе увязнуть в рутине повседневной работы и, если ты чувствуешь, что это произошло, немедленно надо выбираться. Я люблю нашу музыку. Я ей глубоко предан. Но в жизни есть и другие вещи. Иногда мне просто хочется пойти по магазинам, в клуб или устроить вечеринку».

Не у одного Меркьюри был упрямый характер. Однажды Меркьюри сказал: «Проблема состоит в том, что в группе четыре сильных независимых характера». Брин Бриденталь, американский пресс-агент группы, говорила: «Случалось всякое. Группа состояла из четырех ярко выраженных личностей, а когда такие люди собираются вместе, драма предрешена. Однако, я думаю, именно это работало на успех. Они оставались хорошими друзьями, с чувством уважения друг к другу».

В 1977-м, три года спустя после выхода их первого хита, «Seven Seas Of Rhye», Тейлор признавался: «Наши стычки — частично результат музыкальных споров и частично — столкновений характеров». И эти ссоры имели более ожесточенный характер по мере того, как рос успех. Постоянное стремление к совершенству также порождало конфликты, как это было при отборе хитов в альбом лучших песен — «Greatest Hits».

Временами мир шоу-бизнеса, затаив дыхание, наблюдал, не приведет ли очередной скандал к разрыву. Меркьюри по этому поводу говорил: «Слухи о том, что „Куин“ вот-вот распадется, циркулируют постоянно. Некоторым просто очень хочется, чтобы это произошло. Одному Богу известно почему. Действительно, у нас бывают сильные трения и конфликты, а иногда — настоящие драмы, но это лишь очищает атмосферу. Неверно верно говорить, что скандалы в группе никогда не прекращаются. Я бы сказал, бывает определенная напряженность, которая приводит нас к неприятным ситуациям. Но в тот момент, когда мы принимаемся писать музыку, все проходит. Я даже предпочитаю, чтобы у нас были небольшие скандалы, чем бесполезные дни взаимного бойкота, которые так плохо сказываются на деле. И уж тем более мы не испытываем ненависти друг к другу. Ссоры случаются из-за усталости. Часто работа бывает монотонной, и поэтому все время надо следить, чтобы не возникло конфликтов. Напряжение в группе появлялось, когда все наши гастроли выпадали на зиму. Необходима была перемена, и я сказал: давайте перенесем их на лето. Нужно было что-то новое».

Джон Дикон вспоминает ожесточенные споры, когда решалась судьба песни «Another One Bites The Dust», — должна ли она быть на «сорокапятке». Песня все-таки вышла и стала одним из самых громких хитов группы. Споры также возникли по поводу того, какие композиции включить в альбом «The Works». Наконец было принято решение, что в него войдут по три песни Меркьюри и Мея и по две — Тейлора и Дикона.

В откровенном интервью американскому журналу «Роллинг Стоун» басист группы Дикон говорил, что своеобразный имидж Меркьюри часто раздражает других членов группы: "Некоторые из

нас просто этого не выносят. Но что поделаешь — это Фредди. Как-то в интервью он сказал такую вещь: «Из нас просто сочатся деньги, дорогуша».

Ссоры были бесконечными, и слухи о развале группы не утихали. Они усилились, когда в 1985 году Меркьюри записал в Мюнхене свой первый сольный альбом «Mr. Bad Guy», Однако Фредди успокоил рок-общественность, заявив, что все члены группы работают над индивидуальными проектами: «Было много вещей, которые я хотел сделать с „Куин“, но не смог. И дело не в том, что „Куин“ они не по зубам просто так получилось. Этот альбом дал мне шанс использовать оркестр, который я всегда хотел попробовать с „Куин“, но как-то не представлялось случая, потому что Брайан мог заменить любой оркестр своей гитарой».

Новые сплетни о распаде команды подогревались заявлением Меркьюри, что он стал слишком старым для бесконечных гастролей и выступлений, ему надоели постоянные разъезды: «Я не думаю, что для 42-летнего человека нормально одеваться непонятно во что и носиться по сцене». По мере того как становилось очевидным, что «Куин» не собираются в путь — последнее турне «The Magic Tour» они прокатили в 1986-м, — слухи о финале их совместной деятельности множились. Но правда была еще горше — Меркьюри медленно умирал и начинать гастроли для него было бы самоубийством.

Они остались верны друг другу до последнего, и только смерть разлучила их. За год до этого в документальном фильме Меркьюри заметил: «Я думаю, что причина того, что мы до сих пор вместе, в том, что никто не хочет уходить. Уйти — значит струсить. Мы продолжаем работать. Пока покупают нашу музыку, все в порядке. Когда наши пластинки не будут покупать, я скажу „до свидания“ и займусь другим делом. Например, чем-то вроде стриптиза». Но их пластинки не перестали покупать, и Меркьюри не успел начать другую карьеру.

«Куин» стали пионерами в видеомузыке. Революция в поп-видео начинается в 1975 году с потрясающего клипа «Богемская рапсодия». Меркьюри сказал о нем так: «Это наша первая заметная работа. На нее была затрачена куча денег, но многое нам пришлось делать самим. Мы поняли, что есть еще один способ представления наших пластинок, и видео стало неотъемлемой частью музыкального творчества».

Они оценили новые возможности: «Когда мы выпускаем сингл, он, конечно, создает какие-то визуальные образы, но именно видео помогает их оживить. Кроме того, группа не может быть одновременно в разных местах, а видео может».

Элтон Джон признает, что члены группы были выдающимися

мастерами видеоклипов. В программе Би-Би-Си, посвященной Меркьюри, он говорил: «Куин» были первооткрывателями в поп-видео. Они были авангардом во многих областях искусства и дали жизнь многим большим идеям".

Видеоклипы «Куин» были настоящим праздником весельями фантазии. Многие из них смотрелись даже интереснее, чем живые концерты. Видео давало возможность группе, и особенно Меркьюри, реализовать самые фантастические и абстрактные замыслы. Они делали видеоклипы постоянно, даже если на это уходило слишком много сил.

Музыканты «Куин» никогда не были напыщенными и высокомерными, как большинство рок-звезд, купающихся в славе и богатстве. Один из самых запоминающихся клипов был снят в 1984 году по песне Джона Дикона «I Want To Break Free», где члены группы предстали в гротескном образе героев бесконечного британского телесериала «Coronation Street». Меркьюри пристегнул себе огромную накладную грудь, надел ярчайшую розовую блузку и черную мини-юбку. В таком виде он дефилировал по гостиной, томно покачивая бедрами, с пылесосом в руке. Брайан Май сидел в кресле, его от природы курчавые волосы были накручены на бигуди. В этом клипе, стоимостью 100 тысяч фунтов, Меркьюри бросался из одной крайности в другую. Образ из «Coronation Street» сменял образ фавна Нижинского. Фавн-Меркьюри был в трико, ему сделали заостренные зверообразные уши. По такому случаю Фредди даже сбрил свои знаменитые усы — специально для фрагмента, где он предстает играющим на свирели, сидя на вершине огромного камня. В съемке видеоклипа принимал участие Королевский балет, танцовщики которого перекатывали фавна поверх своих тел.

Уэйн Иглинг, хореограф клипа «I Want To Break Free» вспоминает: «Во время съемок Меркьюри работал, как профессионал высшей пробы. У Фредди давно засел в голове образ фавна Нижинского, играющего на дудочке. Съемки отняли много сил, особенно эпизод, где он перекатывался через танцоров. Но ему нравился сам процесс съемок. С ним было очень легко работать, и он ко всему относился с большой ответственностью. Фредди был блестящий профессионал».

Во всех видеоклипах Меркьюри старался создать определенный образ и точно передать дух и смысл песни. Иногда он включал в свои клипы фрагменты концертов, которые ему нравились и удавались. В основном это были моменты, где он представал ослепительной звездой перед обожающей его аудиторией. Например, для съемок клипа «Friends Will Be Friends»

в 1986 году «Куин» инсценировали концертное выступление, обратившись за помощью к своим поклонникам. В одном из эпизодов Меркьюри взбирается на передвижной кран, с вершины которого прожектор освещает море лиц внизу. Кульминацией клипа стало появление Меркьюри на сцене в ярком акробатическом костюме, дирижирующего публикой.

Время от времени в клипах использовались фрагменты кинофильмов. Так, в клип «Radio Ga Ga» вошли батальные сцены и кадры из выдающегося исторического фильма «Metropolis», которые сменялись фрагментами выступлений «Куин». Одетые в черные брюки и красные рубахи, они как бы гипнотизируют аудиторию, заставляя зрителей поднимать кверху руки и повторять рефрен «Radio Ga Ga».

Меркьюри относился к видео так же, как и к самой музыке. Он пытался добиться совершенства и никогда не повторял однажды найденное решение. Друг Меркьюри, Дэйв Кларк, говорит: «Когда смотришь его видеоклипы, понимаешь, что он точно знал, что хотел изобразить, до самой ничтожной детали».

«Куин» любили экспериментировать с различными визуальными эффектами, используя, в частности, мультипликацию. В клипе «It's A Kind Of Magic» Меркьюри предстает чародеем, в цилиндре и черной накидке. Волшебным образом появляются три танцовщицы, чтобы по его мановению исчезнуть в сверкающей магической пыли. Каждый эпизод этого клипа отличался большой выдумкой. Костюмы и декорации были великолепны. Меркьюри любил одеваться, любил создавать какие-то удивительные сцены из оперы, балета и театра. Годилось все, что было эффектно и неординарно.

Видео 1984 года «It's A Hard Life» был снят за два дня в Мюнхене. В нем принимала участие Барбара Валентин — одна из самых близких друзей Меркьюри. На ней был шикарный ярко-красный костюм, украшенный перьями страуса. На съемках удачно воссоздали обстановку средневековья: за два дня построили огромный обеденный зал с мраморными колоннами, балконом и золотыми шпалерами. Барабанщик Роджер Тейлор так прокомментировал съемки: «Это то, что называется типичной продукцией „Куин“. Если что-то заслуживает того, чтобы быть сделанным, то это надо делать хорошо».

Группа использовала видео также и для демонстрации выдающихся актерских способностей Меркьюри, его вкуса и необычного дизайна костюмов. Они вышли в лидеры музыкального видео благодаря неординарному художественному воплощению своих композиций.

По мере восхождения по лестнице успеха группа тратила все

больше и больше денег на производство зрелищных клипов, хотя некоторые из них так и не вышли. В 1985 году видеоклип о дне рождения Меркьюри, снимавшийся в одном из клубов Мюнхена, был категорически отвергнут как слишком рискованный Си-Би-Эс — компанией, по заказу которой Фредди делал сольный альбом. Производство этого фильма — «Living On My Own» — обошлось в 30 тысяч фунтов. В нем снимались рок-звезды, друзья Фредди, весьма экстравагантно одетые. Но руководство Си-Би-Эс было напугано возможной общественной реакцией на этот видеошабаш. Представитель корпорации заявил: «Мы считаем, что клип не отличается достаточно хорошим вкусом».

В 1982-м году несколько компаний отказались от выпуска в эфир клипа «Body Language», назвав его слишком смелым. Действие клипа происходило в турецкой бане. Вокруг затянутого в кожу Меркьюри извивались и корчились танцовщики. Режиссер Майкл Ходжес вспоминает: «В клипе было много кувыркания и кривлянья. Но я все-таки решил, что он довольно скучный».

«Who Wants To Live Forever» — один из самых блистательных клипов группы — обошелся в 150 тысяч фунтов. В нем принимали участие Национальный филармонический оркестр и хор из сорока мальчиков. Съемки проводились в помещении огромного табачного склада лондонского Ист-Энда. Фредди предстал в великолепном костюме и при шелковом галстуке.

Одним из самых отчаянных был клип 1989 года «Breakthru», перед съемками которого группа застраховалась на два миллиона фунтов от возможных серьезных травм. Команда исполняла свой номер на открытой платформе паровоза, несущегося со скоростью 60 миль в час . Производство клипа обошлось в 300 тысяч фунтов.

Для видеоклипа «The Miracle» были найдены четверо мальчиков, поразительно похожих на участников «Куин» в юношеском возрасте. Глядя на «себя» маленького, в уменьшенной копии своей сценической одежды, Меркьюри отметил, что «эта схожесть меня даже пугает».

По мере того как болезнь прогрессировала, Меркьюри затрачивал все больше усилий для продолжения съемок видеоклипов, которые он так любил. Для видеоряда, сопровождающего композицию «I'm Going Slightly Mad», он сильно изменил свою внешность, надел черный парик и тщательно загримировался, чтобы зрители не могли увидеть, насколько он болен.

Для другого клипа, «Innuendo», он не снимался вообще. В клипе «The Show Must Go On» смонтированы только фрагменты его старых съемок и мультипликация.

Последний клип, сделанный Меркьюри, — «I'm Going Slightly

Mad». Но «Куин» выпустили еще один клип, который вышел уже после смерти Меркьюри, — «These Are The Days Of Our Lives». Он был снят в черно-белом варианте. В нем больной и изможденный Фредди в последний раз поет перед телекамерой. В фильме нет никаких специальных визуальных эффектов, красочных сцен и экстравагантных выходок. В отличие от всех предыдущих видео в клипе нет ничего пышного и сногсшибательного, но это самый трогательный и волнующий фильм «Куин».

Глава 5
Приключения в Германии. За кулисами в Мюнхене.

“Я хозяин своей судьбы”.

Фредди выглядел на миллион долларов наличными. Он был одет в ярко-красное трико, украшенное

огромными зелеными «глазами», с немыслимым поперечным вырезом от плеча до пояса, обнажавшим волосатую грудь. Он собирался покорить очередную аудиторию и сейчас смотрел на себя в зеркало, проверяя, все ли идеально. Все было в порядке. Однако это не сняло приступ страха, сковавшего тело. «Я могу выйти туда. Я могу выйти туда. Я могу выйти туда», — повторял он про себя, настраиваясь перед выходом. Этот мандраж легко было бы объяснить, если бы его ждала аудитория в несколько сот тысяч человек, но Меркьюри должен был появиться в одной мюнхенской гостиной перед двадцатью детьми, пришедшими на день рождения своего сверстника.

«Это кажется невероятным, но все так и было, — говорит Рейнхолд Макк, очередной продюсер группы. Порой в многолюдной комнате Фредди мог быть очень стеснительным. Я хорошо помню, как он тогда волновался. Когда группа записывала альбом „Hot Space“, а у моего старшего сына был день рождения, Фредди вызвался появиться в своем знаменитом костюме, чтобы позабавить детей. Он сдержал свое слово, хотя я тогда не мог и предположить, что это было для него непросто. Когда я вошел в спальню проверить, готов ли он к выходу, Фредди ходил из угла в угол, повторяя: „Я сделаю это“. И, конечно, он сделал. От него не требовалось даже петь, он просто прошелся перед детьми и перебросился с ними несколькими фразами. Они были в восторге. Готов поспорить, что это был самый лучший день рождения, который когда-либо устраивали детям».

Это был не единственный приступ скромности у Фредди. Обладая удивительным голосом, одним из лучших на рок-сцене, он иногда стеснялся петь. Подтверждение тому — случай, происшедший в одной из немецких сельских церквушек. Макк вспоминает: «Во время крестин моего младшего сына Джона Фредерика (Джон Дикон и Фредди были крестными отцами

мальчика) все в церкви пели. Мой старший сын Джулиан стоял с Фредди и заметил, что он молчит. Джулиан не мог понять, почему такой знаменитый артист, который своим голосом может очаровать многотысячную аудиторию, не поет. Он начал подталкивать Фредди: „Давай, пой! Ты же певец“. Но Фредди не пел. Может показаться странным, но тогда люди не могли понять одну вещь — насколько Фредди был скромен».

Меркьюри и Макк познакомились в 1979 году) когда «Куин» записывались в Мюнхене в одной из самых легендарных студий — «The Musicland». Именно в этой студии продюсер Джиорджио Мородер записывал свои знаменитые хиты, преобразившие стиль диско.

Меркьюри сразу понравился город, он там прожил два года и нашел много друзей. Как и Нью-Йорк, где у него тоже была квартира, Мюнхен был Меккой гей-культуры. Фредди нравилась здешняя спокойная атмосфера и то, что он может делать все, что хочет, без страха быть осужденным. Обычно он был скрытен и не любил распространяться об этой стороне своей жизни, но не в Мюнхене. Здесь Фредди наконец-то мог быть самим собой. Его привлекали крепкие и здоровые мужики. Он любил бывать в оживленном районе под названием «Бермудский треугольник», в котором находились многочисленные клубы гомосексуалистов. Макк вспоминает: «Думаю, одна из причин его частых посещений Мюнхена была в том, что в нем условия для гей-культуры были более благоприятные и открытые, чем где-либо в мире».

Бары для «голубых» были более интересными и живыми заведениями, чем обычные бары города. Они всегда были шумными, заполненными народом. Их посещали не только гомосексуалисты, но и девушки. Фредди любил бывать в таком разношерстном окружении. «Он никогда не предпочитал исключительно гомосексуальное окружение, — говорит Макк. Его гомосексуальность не бросалась в глаза. Он был очень осторожен, чтобы никого не обидеть».

Меркьюри приехал в Мюнхен со множеством друзей из тех, кто был необходим ему, включая личного менеджера Пола Прентера, Питера Фристоуна и Джо Фаннели. Питер и Джо выполняли повседневную работу: следили за гардеробом Фредди, готовили.

Для удовлетворения гомосексуальных пристрастий Меркьюри Мюнхен был идеальным местом, но некоторые его друзья утверждали, что Фредди планировал завязать со своим увлечением и завести семью. В этом не было ничего нереального — Меркьюри прожил семь лет с Мэри Остин, и они хотели пожениться. По словам Макка, мечта Меркьюри о семье имела

глубокие корни — во время учебы в интернате он надолго был оторван от родных.

Мак вспоминает: "Фредди пару раз говорил мне: «Возможно, я скоро брошу свои „голубые“ штучки». Я не думаю, что это было странно. Он понял, что у него гомосексуальные влечения, когда ему было двадцать четыре — двадцать пять. До этого у него не было никаких отклонений. С ним могло произойти все что угодно. Я видел, как он себя вел в обществе женщин. Фредди не был равнодушен к ним. Скорее напротив…

Однажды, лет пять назад, меня подвел мой бухгалтер и мне пришлось платить дополнительные налоги. Я обсуждал проблему с Фредди, жалуясь на это обстоятельство. На что он мне ответил: «Черт возьми, это всего лишь деньги! Зачем сходить с ума? У тебя есть все, о чем только можно мечтать, — прекрасная семья, дети. Есть то, чего у меня никогда не будет».

Бывая в нашем доме, он получил довольно полное представление о том, что за штука семейная жизнь и сколько она могла бы дать ему счастья. Думаю, он очень хотел иметь бы семью. К тому же Фредди был сентиментален. Его отношения с Мэри продолжались до самого конца — возможно, потому, что он чувствовал себя виноватым по отношению к ней. И ко всем, кто был с ним рядом, он относился, как к членам семьи.

Ему нравился мой сын Феликс. Однажды я невольно услышал их разговор. Фредди говорил Феликсу: «У меня не было ничего, что окружает тебя. Когда я был мальчиком, то провел много времени вдали от родителей в интернате. Иногда я подолгу не видел их». Он тяжело пережил переезд в Великобританию. Если ты подростком приезжаешь в Лондон из какой-то экзотической страны, естественно, тебе приходится нелегко.

Меркьюри много рассказывал детям о годах, проведенных в Африке и Индии. Он обожал детей. Как только они начинали говорить и ходить, у Фредди сразу же завязывалась с ними дружба".

В Мюнхене Фредди влюбился в Винни — симпатичного немца, владельца ресторана. Кстати, на него был похож и последний приятель Меркьюри — Джим Хаттон. Фредди и Винни встретились в одном из баров для «голубых». Их отношения длились все время, пока Меркьюри жил в этом городе.

Макк вспоминает: "Я думаю, что одной из причин, привлекших Фредди, был эпизод во время их первой встречи. Винни не знал, кем был Фредди. Когда Фредди сказал, что у дверей бара их ждет лимузин с шофером, Винни ответил: «А мне как-то до лампочки. Если хочешь быть со мной, то пойдем». Богатство Фредди его нисколько не прельщало, и это нравилось

Меркьюри.

У них была довольно бурная любовь, несмотря на неразборчивость в связях со стороны Фредди: мюнхенские бары буквально набиты гомосексуалистами с внешностью водителей грузовиков. Типаж, который особенно привлекал Фредди. Однажды я сказал ему: «Тебе надо найти кого-нибудь в своей весовой категории». Но он не согласился.

Фредди хотел иметь долговременную связь. Он был очень домовитый, я помню, как он помогал Винни убирать в ресторане. Фредди рассказывал, что, когда возвращается домой, испытывает ужасную скуку. Однако это было не совсем так. Его весьма занимали всяческие хлопоты по обустройству дома — в этом Фредди был очень педантичен. Он постоянно проверял, правильно ли развешаны картины, что делается в его саду с цветами. В Мюнхене он очень любил ходить по магазинам и делать покупки для дома. Моя жена и Фредди обычно отправлялись за покупками вместе. Он покупал много картин и фарфора.

Любовь окрыляла Меркьюри. Музыка и стихи давались ему довольно легко, но, когда он был влюблен, писал еще быстрее. Ничего не писал он только во время депрессии. Поэтому-то у «Куин» нет мрачных песен, даже баллады лишены грусти. И хотя многие считают, что слова «The Show Must Go On» полны пессимизма, я с этим не согласен. Для меня песня полна любви к жизни".

Роман с Винни подходил к концу, когда Меркьюри влюбился в Джима Хаттона, бывшего парикмахера.

Макк продолжал: «Винни страшно ревновал к Джиму и совершил пару ужасных вещей, расстроивших Меркьюри. Он продал великолепный „Мерседес-560“, подаренный ему Фредди, и чудесный рояль». Меркьюри расценил это как предательство. Он покинул Мюнхен и перебрался в свой дом, расположенный в Кенсингтоне. К этому времени его перестройка, продолжавшаяся пять лет, уже подходила к концу.

Бывший личный менеджер Меркьюри Пол Прентер, с которым он расстался после девяти лет совместной работы, был неотъемлемой частью жизни в Мюнхене.

«Я хорошо ладил с Полом, но он был сомнительным типом. Он всегда пытался использовать Фредди самыми разными способами — от денег до наркотиков. Он таскал у Фредди кокаин в надежде, что тот не заметит, и Фредди не замечал. Однажды его якобы ограбили на улице на две тысячи долларов. Это было очень подозрительно. Никого, кроме него, больше не грабили, никто не терял денег. Я думаю, что Пол был более неистовым, чем Фредди.

Он постоянно старался перещеголять его, заходил слишком далеко и наконец полностью перестал себя контролировать», — говорит Макк.

Макк был в числе приглашенных на шикарные вечеринки, устраиваемые Фредди в день его рождения. Разница в возрасте у них была десять дней.

Вспоминает Макк: «Моя жена участвовала в оформлении интерьера. По замыслу, он должен был быть исполнен в двух цветах: черном и белом. Было очень весело. Все мужчины должны были появиться в самых невероятных нарядах. Зная любовь Фредди к балету, я надел балетный костюм. Во время другой вечеринки, проводившейся в его доме в Кенсингтоне, все должны были прийти в шляпах. У Фредди их было около десятка, и он ломал голову, какую надеть. Одна шляпа была похожа на цилиндр, верх которого откидывался, если потянуть за веревочку, и оттуда выпрыгивал большой пластмассовый пенис. Другая шляпа была сделана в форме огромной корзины с фруктами… Фредди так и не решился надеть какую-либо из них. Он не хотел обидеть никого из их создателей, отдав кому-то предпочтение».

Возвращаясь к эпизоду знакомства с Меркьюри, Макк вспоминает: «Мы встретились случайно. Группа приехала в Мюнхен, а мне по почте пришло приглашение прийти в студию для работы над новым проектом. С кем и для кого — ничего не было сказано. В студии я увидел Фредди, и мы очень обрадовались, что будем работать вместе. Мы сразу же начали. Мы сделали „Crazy Little Thing Called Love“, а затем пошло-поехало. Тогда в первый раз Фредди сыграл на ритм-гитаре. Он сказал мне: „Я не умею играть на гитаре, но это не имеет значения“. Я думаю, Фредди просто хотел записать песню очень быстро, прежде чем приедет Брайан. Фредди пытался поймать новый звук. Я добавил чуть-чуть рок-н-ролла, и все получилось отлично».

Макк был поражен скоростью, с которой работал Меркьюри. Всего лишь шести часов ему хватило, чтобы написать попурри из рок-н-роллов. Песня стала хитом во многих странах и заняла второе место в британских списках.

Говорит Макк: "Фредди мог написать вещь за двадцать минут. Перед тем как он появлялся в студии, у него в голове была лишь одна готовая строка. Но в процессе работы приходили остальные. Это было поразительно.

Я исключительно хорошо ладил с Фредди. Мне нравилось работать с гением. У него было удивительное восприятие музыки. Но меня очаровывал не только его музыкальный талант. Он был отличным парнем, очень внимательным. Он искренне

интересовался мной, моей семьей и детьми".

Макк привнес в звучание группы новые интонации, прекрасно совместив его с веянием моды. В результате была написана одна из лучших песен диско «Another One Bites the Dust».

«Думаю, что имею право утверждать: без меня песня не получилась бы. Когда никого не было в студии, я наложил на пленку необычные звуки, которые придали песне совсем другие оттенки. Мне кажется, когда „Куин“ приехали в Мюнхен, у них не было определенного плана. Все получилось, когда мы пришли в студию».

Макк говорит, что, если что-то продолжалось незапланированно долго, Фредди терял интерес: «Он не мог на чем-то фокусировать свое внимание, если это происходило более полутора часов подряд. По „Killer Queen“ можно сказать, что Фредди написал ее, не вставая из-за пианино. Конец песни немного скомкан. Думаю, что это была типичная черта Фредди. Ему постоянно требовалось что-то новое и свежее».

В одном из мюнхенских клубов Фредди потянул ахиллесово сухожилие. Ему наложили гипс на целых шесть недель. Макк отрицает, что это произошло в результате потасовки: «Не было никакой драки. Просто кто-то толкнул Фредди, когда он, дурачась, пробовал поднять одного из своих друзей. Он мне позвонил рано утром, и я понял: что-то произошло, так как он никогда не звонил раньше двенадцати, он был совой. Я отвез его в больницу, где ему наложили гипс».

Несмотря на травму, Меркьюри не прекращал работы и не терял чувства юмора. Он так же вел себя и годы спустя во время страшной болезни.

Говорит Макк: «Каждый день я заезжал за ним, нес его на руках в машину и мы ехали в студию. Он был благодарен мне, что я нс предлагал отложить работу. Это могло просто свести его с ума. Фредди привык быть занятым по уши. От скуки он уставал очень быстро. В первый день, когда он сел за пианино, ему было очень неудобно. Фредди не мог касаться педалей и клавишей одновременно. Он попросил меня разрешить ему делать что-то одно».

Меркьюри был замечательным пианистом, утверждает Макк: «Я начал играть на пианино раньше Фредди, но он был в другой лиге. Он мог играть все и очень легко придумывал мелодии. Его музыкальные вкусы были разносторонними. Он любил многое — от Ареты Франклин, которая была его любимой певицей, до диско и классической музыки. Но он не мог высидеть весь концерт, а хотел слушать лишь интересные ему части».

Хотя Меркьюри и написал много эмоциональных и

волнующих песен, Макк не считает их тексты чересчур откровенными. Он вспоминает: «Я думаю, Фредди избегал выражать свои чувства, не верил в возможность воплощения их в песне. Он также считал, что в песнях нельзя использовать политические лозунги. Фредди скромно отзывался о достоинствах своих песен, но при этом знал, какая из них лучше».

В Мюнхене Меркьюри с помощью Макка записал свой первый сольный альбом «Mr. Bad Guy». «Песни сочинялись очень быстро, хотя и не с обычной скоростью, потому что с нами не было всей группы. Фредди пластинка очень понравилась. Он сказал моей жене, что позволит сделать мне следующий альбом полностью. А сам просто придет и будет петь», — говорит Макк.

Когда Меркьюри собрался покинуть Мюнхен, Макк не слишком удивился: «Реконструкция его шикарного дома в Кенсингтоне была закончена, и Фредди решил, что глупо оставлять его пустым. Но я не думаю, что, когда он покидал Мюнхен, он знал о болезни. Это произошло немного позже. Видимо, в 1986 году. И уж точно — в 1987-м на Ибице. Тогда у него появились пятна на лице. Я спросил его: что это? Но он отшутился. Фредди не нуждался в сочувствии и верил, что сможет бороться, потому что у него было много сил плюс потрясающая воля. Он мог не притронуться к кокаину, приняв его вдоволь накануне, и даже не думать о нем. У него было изумительное самообладание. Я думаю, он чувствовал, что может противостоять болезни, иначе не боролся бы так долго».

Несмотря на ухудшение здоровья, Меркьюри продолжал работать и обдумывать новые проекты. Говорит Макк: «Он хотел создать большую оркестровую композицию. Фредди любил совмещать разные идеи. Его работа с Монсеррат Кабалье была интересной, но я не думаю, что их голоса хорошо сочетались. Она поет в стиле, который не присущ року».

Макк не верит утверждениям журналистов, что где-то хранится много неизвестных работ «Куин»: «Один-два альбома, не больше. После записи никогда не оставалось много песен, не вошедших в пластинки. А после „Barcelona“ у Фредди осталось не много сил. Насколько я знаю, он появлялся в студии только на пару часов раз или два в неделю. Я не работал на „Innuendo“. Я уехал в Америку, но говорил с Фредди пару раз, предлагал помощь, на что он отвечал: „Нет, спасибо. Дэвид Ричардс занимается мной. Кроме того, это отнимет у тебя много времени“. Но он все время держал меня в курсе работы. Фредди был не очень доволен тем, как идут дела в студии, и теперь я знаю почему. У него не хватало сил. Представь, однажды ты обнаруживаешь, что не можешь ходить или делать простых

вещей, к которым привык».

Последний раз Макк говорил с Меркьюри в июле, за четыре месяца до смерти. «Когда я спросил его, как он себя чувствует, Фредди ответил, что неплохо. Я уверен, что он никого не хотел видеть до самого конца, чтобы его помнили здоровым и веселым. Фредди не жалел о прожитом. Он перенес удар исключительно смело».

Глава 6
Тратить, тратить, тратить. Стиль жизни богатых и известных.

“Скука — самая распространенная болезнь в мире, дорогуша!”

Никто в мире шоу-бизнеса не мог организовать вечеринку лучше, чем Фредди Меркьюри. В среде, где используется любая возможность закатить прием или бал с участием десятков звезд, о вечеринках Меркьюри ходили легенды. Если ты побывал хотя бы на одной, воспоминания об этом останутся на всю жизнь.

Так, во время праздника по случаю выхода альбома «A Day At The Races» огромный шатер был разбит на ипподроме школы верховой езды в Кемптоне, где гости, устав от застолья, могли утрясти выпитое и съеденное в седле.

Меня приглашали на четыре: по одной в Монтрё и Мюнхене, и на две — в Лондоне. Лучшая из лучших, из тысяч, в которых я участвовал, была феерия в лондонском клубе «Гарденс», в пяти минутах езды от дома Меркьюри, сразу после концерта «Куин» на стадионе «Уэмбли» в июле 1986 года.

Тут было все — звезды, секс и скандал. Спектакль начинался, как только гости попадали в холл восьмиэтажного здания и поднимались на лифте на верхний этаж, где и располагался клуб «Гарденс». Лифтершами были полуобнаженные девицы, великолепные тела которых расписаны всеми цветами радуги с невероятной фантазией. Немыслимое буйство красок сверкало и переливалось и на телах красоток, разносящих угощения среди безукоризненно одетых гостей. Великолепие тел бросалось в глаза везде, даже в туалетах. В женском дам встречал мускулистый блондин, фигуру которого опоясывали кожаные ремни и цепи. Мужчин же приветствовала девушка в очень смелом костюмчике, предлагавшая «массаж».

Бывалые завсегдатаи подобных мероприятий не могли скрыть эмоций и восторженно обменивались впечатлениями. Вокруг носились фотографы, пытаясь запечатлеть реакцию знаменитых гостей на предложения девиц отведать угощения. Список приглашенных, как и любил Фредди, включал людей совершенно разных. Известных и скандально известных. Кроме участников

группы «Куин» в него входили богобоязненная рок-звезда Клифф Ричард, группа «Шпандау Баллет», клавишник из «Дюран Дюран» Ник Родс и его жена, модель Джили-Энн, Пол Кинг, Лималь, экс-звезда «мыльной оперы» Анита Добсон и «Секс пистолз» восьмидесятых — группа «Сиг Сиг Спутник».

Как и все подобные вечеринки, эта, обошедшаяся в 50 тысяч фунтов, продолжалась всю ночь. Известному немецкому художнику Бернду Бауэру потребовалось пять часов, чтобы разрисовать каждую модель, которая не только стала обладательницей бесплатного «шедевра», но еще получила 100 фунтов за то, что представила его публике. Трейси Хикс, одна из моделей, сказала мне: «Я чувствовала себя удивительно. Словно сама стала произведением искусства».

Меркьюри внимательно наблюдал за передвижениями девиц в зале, и время от времени на его лице появлялась улыбка. Но он не желал оставаться сторонним наблюдателем, ведь он был душой всех вечеринок. В разгар веселья Фредди выскочил на импровизированную сцену в сопровождении бывшей порнозвезды певицы Сэм Фокс. Эта пара представила несколько рок-н-ролльных хитов, включая фонтанирующий секс-энергией «Тутти-Фрутти», во время исполнения которого Фредди крепко держал полногрудую модель, выделывая невообразимые пируэты.

После он сказал мне: «Мы хотели, чтобы всем было весело, я знаю, как это надо делать».

Каждый из балов Меркьюри был экзотической феерией. На празднование своей 39-й годовщины, которая отмечалась в Мюнхене, он попросил всех мужчин прийти в женских нарядах, а сам предстал в невообразимом костюме: под немецким военньм френчем с медалями — клоунские брюки. Меркьюри заснял все это на видео и хотел использовать пленку для своего четвертого сольного сингла «Living On My Own». В конце концов от идеи пришлось отказаться. Как заявил один из руководителей звукозаписывающей компании, «это домашнее видео может доставить некоторым людям неприятности».

Сам Меркьюри так отозвался об этой вечеринке, собравшей более трехсот гостей: «Это было здорово. Я хотел придумать что-то необычное, чтобы как-то примириться с мыслью, что тебе почти сорок».

Секс был также важным элементом вечеринок Меркьюри. В Новом Орлеане были представлены виртуозные номера стриптиза, когда танцовщицы имитировали курение, вставляя сигареты во влагалище. Затем гости начали подбадривать полногрудую блондинку, лениво снимающую тонкие одежды. Каково же было их изумление, когда, отбросив последнюю часть

туалета, перед ними оказался самый что ни на есть мужик.

На другой вечеринке событием стало выступление девушки со змеей. В Монтрё гости собрались на лодке в середине озера, откуда наблюдали за великолепным стриптизом.

После окончания работы над альбомом «Jazz» Меркьюри и группа наняли пятьдесят девушек, которые во время вечеринки обнаженными ездили на велосипедах вокруг футбольного поля на «Уэмбли». Этот номер был со смыслом. Брайан Мэй написал для альбома песню под названием «Fat Bottomed Girls» («Девушки с широким задом»), а Меркьюри предложил для пластинки песню «Bicycle Race» («Велосипедная прогулка»!

Фредди, как и положено звезде, любил появляться на вечеринках. После концерта в Милтон-Кейнс вертолет доставил его в элитный ночной клуб «Эмбасси» (владелец которого Стефен Хейтер тоже умер от СПИДа). Однако, несмотря на скорость, он не сумел застать своего кумира — певицу Дайану Росс, ушедшую перед самым его приходом.

Но наилучшие вечеринки происходили за дверьми его шикарного дома в Кенсингтоне. Уэйн Слип, балетная звезда и друг принцессы Дайаны, преподавал Меркьюри премудрости балета, элементы которого он хотел использовать в видеоклипах. Слип, побывавший на множестве балов у Фредди, говорит: «Он знал, как организовать вечеринки. Никогда не жалел на это денег. Фредди любил, чтобы у каждой вечеринки была своя тема. Одной из тем в его доме были шляпы. Я обмотал занавеску вокруг головы, и получился тюрбан. У всех на головах было что-то невообразимое». На другой вечеринке темой стали шорты. Она состоялась в великолепном саду Меркьюри размером в пол-акра. Даже если слухи о том, что Слип разбил кучу посуды во время неудачно выполненного пируэта, неверны, , все равно это была еще одна бешеная вечеринка. Как говорит Слип: «Ничего подобного раньше не было, повеселились здорово».

Особенно отличались дни рождения Меркьюри, которые отмечали 5 сентября. Празднования могли продолжаться сутками. Так произошло, когда ему исполнилось 35 лет, во время гастролей с группой в Нью-Йорке. Он потратил тысячи фунтов на билеты первого класса для своих друзей, прибывших в один из самых дорогих отелей, расположенных на Манхэттене. Только на шампанское было истрачено 30 тысяч фунтов. Вспоминая это событие, стоившее 200 тысяч фунтов, Питер Стракер, друг Меркьюри, говорил: «Он снял самую шикарную часть отеля „Беркшир“, в южной части Центрального парка, которую сдают лишь членам королевских фамилий. Фредди всегда был сказочно щедр. Однажды он потратил несколько тысяч фунтов на мой день

рождения, прошедший в его доме. Деньги для него не были проблемой».

Наркотики, особенно кокаин, употреблялись на вечеринках совершенно открыто. Так, на одной из них чаши, наполненные отборнейшим кокаином, разносил карлик. По словам Питера Джонса, друга Фредди, однажды в течение шестинедельного загула Меркьюри и его окружение употребили кокаина на 24 тысячи фунтов. На другой вечеринке Меркьюри, накачавшись наркотиками, разбил стеклянную дверь ресторана и катился целый пролет по ступенькам лестницы. Джонс говорил: «Фредди употреблял все подряд — колеса и порошки».

Фредди встречался и с некоторыми членами королевской семьи. На вечеринке после благотворительного концерта Королевского балета в «Ковент-Гарден» он был представлен принцу Эндрю.

На этой же вечеринке принц оказал рассеянному Меркьюри небольшую услугу, выудив длиннющий шарф музыканта из стакана и выжав его. Но на просьбу принца что-нибудь спеть Меркьюри выдвинул совершенно дикое условие. Он готов сделать это, если блистательный сын королевы сначала покачается на люстре. Неудивительно, что выступление не состоялось. В свою очередь принц отказался от предложения Меркьюри пойти с ним в один из самых скандально известных ночных клубов гомосексуалистов. Меркьюри собирался сделать туда вылазку с друзьями и некоторыми членами труппы Королевского балета. Хотя поначалу принц раздумывал, но все испортил телохранитель, отговоривший его.

Последний из известных балов Меркьюри дал на свой сорок первый день рождения в сентябре 1987 года в отеле Тони Пайка на испанском острове Ибица. Был нанят специальный самолет DC 9, доставивший гостей на остров. Всего в феерии участвовало около пятисот гостей, и она, как всегда, обошлась в кругленькую сумму. Это была одна из самых зрелищных вечеринок. Залпы салюта высвечивали имя Меркьюри в небе Испании, танцовщики фламенко крутились в огненном танце. Для гостей был приготовлен огромный пирог высотой 20 футов .

Меркьюри часто говорил, что его любовь к праздникам была воспитана в нем в те далекие детские годы, когда он жил в роскоши в окружении слуг. Как бы там ни было, вечеринки давали ему прекрасную возможность встретить новых людей.

Отдыхать последние семь лет Фредди предпочитал в отеле Пайка — маленьком фермерском доме, спрятанном на острове Ибица.

В восьмидесятых годах Ибица был одним из самых

популярных солнечных уголков для молодых людей-любителей беззаботной жизни, свободной сексуальной морали и оргий на пляже. Меркьюри хотел вкусить свободы идиллического острова, спрятаться от мира и побыть самим собой. Он любил уединенность, предоставляемую отелем, и упивался безмятежным отдыхом. В солнечные дни он часами сидел у бассейна.

Вспоминает Тони Пайк: «Фредди хотел найти такое тихое место, где в то же время было бы весело». Довольно редкое сочетание. Продюсер Джони Бич, который впервые привез Меркьюри сюда, сказал, что отель будет идеальным местом для отдыха. Когда машина подъезжала к гостинице, ее вид не предвещал ничего хорошего. Меркьюри остановил машину и сказал Джони, что если ему тут не понравится, Джони будет уволен".

В 1985 году, когда Тони Пайк был впервые представлен Меркьюри, их встреча не обещала приятного знакомства.

Говорит Пайк: «Фредди просто сказал: „привет“ — и выглядел не очень дружелюбно. Я знаю, что со звездами часто бывает трудно. И подумал, что это именно тот случай. Атмосфера не улучшилась, когда вошли в дом. В одной из комнат он остановился и заметил, что потолок слишком низкий. Я предчувствовал, что хлебну с этим парнем горя. Я ему хотел сказать, что сам отделывал дом и что даже если он Фредди Меркьюри, мне не нужны замечания. Он внезапно помахал рукой, сказал: „шутка!“ — и начал смеяться. Я невольно засмеялся тоже. С этого момента я понял, что он отличный парень». Меркьюри приезжал к Пайку регулярно недели на две. Пайк вспоминает: "Фредди полюбил остров. Он говорил: «Когда я здесь, я могу побыть самим собой».

Для суперзвезды, чья жизнь-гонка, это была настоящая возможность отдохнуть. Пайк: "Было приятно видеть его счастливым. Мы много времени проводили вместе. Меня привлекала в нем простота. Многие в роке все время строят из себя звезд. Фредди никогда этого не делал. Я как сейчас вижу его лицо, когда он спрашивает меня, не надоел ли он, или что я думаю о его пластинке. Он ничто нс принимал как должное и не страдал высокомерием.

Однажды, когда он и Монсеррат Кабалье записывали песню «Barcelona», двое из съемочной группы не смогли сдержаться и расплакались. Возвратившись в отель после шоу, Фредди вел себя как маленький мальчик, несмотря на то что ему полчаса назад устроили овацию. Он меня спрашивал в тот вечер — действительно ли мне понравилось? Я уверен, что он не напрашивался на комплименты, а хотел удостовериться еще раз,

что все в порядке.

Фредди был очень человечным, внимательным и хотел, чтобы его любили. В ту ночь мы проговорили до восьми утра. Он был взволнован шоу, размахивал руками. Когда разговариваешь с Фредди, беседа протекает без пауз и неловкого молчания. Он волшебным образом вовлекал тебя в разговор и был прирожденным рассказчиком. Один из самых замечательных анекдотов, которые я слышал, — рассказ о его приключениях в Африке. Он ехал в кузове «лендровера», и за ним погналось стадо слонов, которые начали толкать машину из стороны в сторону. Чтобы защитить себя, Фредди начал кидаться яблоками — единственным, что было в этот момент под рукой. Он рассказывал так живо, что эта история и сейчас стоит у меня перед глазами.

Фредди никогда не рассказывал анекдоты сидя. Он вставал и представлял все в лицах. Мы часто собирались вокруг бассейна, и он начинал что-нибудь играть для нас. Несмотря на то что Фредди любил веселить, он был довольно стеснительным. Он никогда не навязывал свое мнение окружающим, скорее наоборот — готов был уступить. Если Фредди рассказывал что-то слишком громко, а в комнате были люди, общавшиеся между собой, он останавливался, чтобы спросить: «Извините, я не мешаю?» Он также был очень внимателен к простым людям. Люди его положения обычно не обращают внимания на повседневные заботы окружающих. Фредди был совсем другим. Он помнил имена всех, с кем встречался, дату их рождения и род занятий. Некоторые утверждают, что Фредди был одинок. Я не замечал этого. Если он был один, значит, хотел одиночества. Все, кто с ним встречался, даже случайно, любили его. Он меня приглашал на пару своих вечеринок, и я не задумываясь принимал предложения. Потому что я знал: где Фредди, там всегда весело.

Впервые здесь, на острове, Фредди преодолел боязнь воды. Однажды я уговорил его прогуляться со мной на лодке. Первое путешествие на лодке было на Isomele de Sel, бывший соляной завод, превращенный в ресторан с замечательным видом на море. Фредди немного нервничал, но потом успокоился. Постепенно он привык, и мы выходили в море регулярно. Обычно он загорал, пил «Pimmis Number One» или шампанское и слушал музыку. Однажды мы даже плавали на другой остров, который называется Форметерра. Его друзья не могли поверить, что это произошло.

Фредди любил брать от жизни все. Он работал за десятерых и пел, выкладываясь полностью.

Его любили все. Многие нс переносят гомосексуалистов, но, встречаясь с Фредди, они не испытывали отрицательных эмоций.

Он умел очаровывать людей.

Фредди любил хорошее вино — как белое, так и красное. У меня не самые лучшие в мире повара, но я никогда не слышал, чтобы он жаловался. Он всегда говорил: «Это прелестно, дорогуша».

Однажды Фредди и Элтон Джон собирались организовать вечеринку. Но произошла ссора в баре между менеджерами Элтона и Фредди, и эту идею пришлось оставить. Фредди был очень огорчен и зол. Немного погодя, он подошел ко мне и сказал: «Через четыре дня мой день рождения. И я хочу устроить самую потрясающую вечеринку, которую когда-либо видел этот остров». И он устроил. Было около семисот гостей, сорок семь артистов и фейерверк, который могли видеть с любой точки острова. В эту ночь я открыл 350 бутылок отличнейшего французского шампанского. К утру не осталось ни капли.

Но произошла неприятность с тортом. Он был сделан в форме барселонского собора Гауди, который очень нравился Фредди. Самолет, который его доставлял, слишком жестко приземлился. Торт полностью развалился. Фредди подошел ко мне и сказал: «Ты должен что-нибудь сделать. Мы не можем обойтись без торта». Оставалось всего четыре часа до прихода гостей. За это время мы умудрились сделать торт шириной два метра, который был украшен нотными партиями из дуэта «Барселона». Выглядел он фантастически. Его несли шесть человек. Когда торт поставили на стол, никто уже не смог его есть. Было съедено слишком много всего. Тогда четыре гостя схватили мою секретаршу Пенни, раскачали и бросили в торт.

В этот же вечер дом чуть не загорелся. Во дворе были развешаны сотни золотых и черных шаров. Кто-то поднес к одному шару сигарету. Через секунду загорелись все шары. Пламя поднялось на сто футов. Могла произойти катастрофа", — вспоминает Пайк.

Когда начали просачиваться слухи о болезни Меркьюри, Пайк пытался выяснить, в чем дело: «Я был очень расстроен, узнав, что это может быть СПИД. Я расспросил нескольких близких его друзей, но они сказали, что это инфекция в крови, которую он подцепил во время турне по Бразилии. Сейчас я понимаю, что они хотели как-то оградить его».

Тони Пайк был на корабле близ Новой Зеландии, когда услышал о смерти Меркьюри: «Я не мог поверить. Это было ужасно. Парень был настоящий гений. Его смерть стала трагедией для всех, кто его знал. Сейчас, когда я разговариваю с вами, передо мной стоит его дружеское лицо и я слышу заразительный смех. Для меня он никогда не умрет».

Помимо музыки у Фредди Меркьюри были еще две пламенные страсти — секс и трата денег. За несколько минут он мог истратить столько, сколько иной не заработает за всю жизнь. Когда я спросил, как он справляется со своим богатством, Меркьюри был ошеломлен моим вопросом. Драматически разведя руками, он сказал: «Я всегда прекрасно умел распоряжаться своим богатством. Не люблю, когда деньги лежат без дела в банке. Мне нравится тратить, тратить и тратить. В конце концов, деньги и созданы для этого. Я не принадлежу к звездам, которые считают каждое пенни».

Такая одержимость в тратах у Меркьюри проявилась еще до того, как пришел успех. Один из британских рок-шоуменов, Тони Брейнсби, говорит: «Когда я впервые начал работать с группой, у Фредди был еще лоток на рынке Кенсингтон и совсем немного денег. Но уже тогда он безумно любил тратить».

О покупках Меркьюри ходили легенды. Однажды он специально отправился в Японию, чтобы закупить там антиквариата и произведений искусства на 250 тысяч фунтов. В другой раз он потратил примерно такую же сумму на обеденный — из 144 предметов — сервиз ручной работы с миниатюрными копиями живописи Констебля, отделанный филигранной золотой окантовкой. Каждый предмет стоил примерно 20 тысяч фунтов. Во время одного из своих походов в фешенебельный лондонский магазин «Харродс» он купил целую выставку китайской мебели. Меркьюри постоянно пополнял новыми поступлениями свою обширную коллекцию дрезденских кукол. Для своего пруда, расположенного в саду, он приобрел яркого японского карпа кои. Эти рыбы живут до ста лет, а некоторые особи могут стоить до 100 тысяч фунтов.

Меркьюри любил бродить по залам лондонских ювелирных магазинов «Картье» уже после закрытия, чтобы спокойно выбрать новую драгоценную вещицу.

Типичной картиной в отелях, где останавливалась группа, была цепочка сопровождавших Фредди носильщиков с очередными приобретениями.

Меркьюри принадлежала одна из лучших в Британии коллекций изящного искусства. Она включала японскую резьбу по дереву, картины импрессионистов, Марка Шагала, работы мастеров викторианской эпохи. Все это стоило миллионы. Посещения аукционов и картинных галерей были неотъемлемой частью его жизни, они продолжались даже тогда, когда болезнь дала о себе знать. Рокси Мид, критик, говорит: «У Фредди было несколько фаз коллекционирования. Он любил многое. Однако он отличался чересчур утонченным вкусом в отличие от

большинства звезд шоу-бизнеса».

Однажды Меркьюри сказал мне: "Когда настроение паршивое, я отправляюсь по магазинам и выбрасываю кучу денег. Точно так же, как женщина покупает шляпку, чтобы поднять себе настроение. Иногда под конец этих шопинг-туров задаешься вопросом: «А что же я сегодня купил?»

Он тратил деньги, словно накануне денежной реформы. И, как у настоящей королевы, у него никогда не было их с собой. Его наличными и кредитными карточками распоряжались друзья и помощники, сопровождавшие Меркьюри по магазинам. «Все свои деньги я оставляю у „Сотбис“, „Кристи“, „Аспри“, „Харродс“ и „Картье“. Мне нравится быть экстравагантным. Все, что мне хочется иногда, — это заработать кучу денег и все их истратить», — говорил Меркьюри.

Самым знаменитым приобретением Меркьюри стал его шикарный дом в Кенсингтоне стоимостью 500 тысяч фунтов. Мэри Остин нашла этот огромный дом эпохи короля Эдуарда, когда Меркьюри был на гастролях. Получив его фотографии, Фредди был сражен. Связавшись с Мэри, он попросил немедленно оформить покупку. Он был взволнован, как ребенок в преддверии Рождества. Режиссер Майк Ходжес вспоминает: «Фредди был абсолютно вне себя от радости. Он подходил ко всем подряд и показывал снимки».

Меркьюри хотел добиться совершенства в реконструкции дома. Он нанял целую команду архитекторов и декораторов, которым предстояло точно выполнить его рекомендации. Работы заняли четыре года, все это время он постоянно что-то менял, внося поправки в первоначальный проект. В одном интервью Фредди сказал мне: «Я купил этот дом четыре года назад. Он был вполне шикарным и совершенным… Но там до сих пор идут работы, его набивают различным дорогим дерьмом. Похоже, я перееду туда, лишь когда состарюсь».

Когда дом был все же закончен, в нем было восемь спален, четыре ванные комнаты, отделанные мрамором. Всю эту роскошь венчала изысканная спальня хозяина, созданная путем соединения трех комнат. В ней был балкон, романские колонны, огромная кровать, с которой можно было дотянуться до пульта, напичканного электроникой. Над кроватью, которую поднимали в дом краном, был большой навес, скрывающий сотни лампочек всех оттенков. С помощью этого приспособления стоимостью тысячи фунтов нажатием кнопки можно было создать освещение, имитирующее любое время суток. В спальне, как и во всех остальных комнатах, были выставлены произведения искусств из коллекции Фредди. Пол покрывал ковер ручной работы, в центре

которого были изображены звезды. Они сверкали огнями, как только на них попадал свет. В следующей комнате, отделанной красным деревом, с десятками зеркал, помещалась гардеробная. Ванны также отличались великолепием — самая большая была черного мрамора, другая — оранжевого. Повсюду — галереи зеркал…

Вспоминает Фил Саймс, друг Меркьюри: «Фредди обладал отменным вкусом. У него в доме стояла великолепная мебель, и, хотя кроме нее было много других вещей, все находилось на своем месте. Одна из самых чудесных комнат — гостиная с отличным полированным полом и галереей».

Однажды Меркьюри признался: «У меня есть все, что можно купить за деньги. Нет только счастья». В дни, когда он посвящал себя удовлетворению страстей, было сделано еще одно признание: «Мне посчастливилось быть богатым. Иногда я думаю, что только с помощью денег я могу быть счастлив».

Меркьюри любил не только получать удовольствие, но и делиться им с многочисленными друзьями, знакомыми и, конечно, любовниками. Он был одним из самых щедрых людей в мире рока. Окружавшие его не только могли прикоснуться к его славе, но и получить нечто более существенное. Часто, когда Фредди отправлялся в «Харродс», он тратил сотни фунтов на подарки. Однажды, истратив 5 тысяч фунтов, он купил всем своим знакомым женщинам духи. «Я никогда не перестану делать подарки. У меня столько друзей! Я люблю видеть улыбки на их лицах», — говорил Меркьюри.

Лишь один подарок ему так и не удалось сделать — купить новый дом для своих родителей. Они, несмотря на уговоры, не хотели оставить дом в Фелтхеме по соседству с шумным аэропортом Хитроу.

Даже за несколько месяцев до кончины он продолжал покупать картины. Уже прикованный к кровати, Фредди продолжал просматривать каталоги живописи в поисках новых произведений искусств для своей коллекции. В тот год он потратил 1 миллион фунтов на покупку домов для лучших друзей. Люди, близкие к Меркьюри, говорили, что за это время он истратил на них большую часть своего 28-миллионного состояния.

Однажды Меркьюри пошутил, что после смерти хотел бы быть похороненным вместе со всеми своими ценностями, как фараоны в Древнем Египте. Вряд ли эта просьба могла быть исполнена: просто не существует такой большой гробницы.

Глава 7
«Live Aid» — концерт, потрясши мир.

“Я всегда знал, что мы сильная группа”

Это был концерт, разрекламированный как самое грандиозное шоу в мире, на что имелись все основания. «Лайв Эйд» показал, кто есть кто в рок-музыке, представив лучших из лучших, среди которых Пол Маккартни, Элтон Джон, Дэвид Боуи, «U2», «Дайер Стрейтс», «Who», Фил Коллинз, Эрик Клэптон, Мадонна, Мик Джаггер и Стинг. Два концерта — на лондонском «Уэмбли» и на стадионе имени Кеннеди в Филадельфии — смотрели 2 миллиарда человек в ста семидесяти странах мира.

Организовал шоу Боб Гелдоф, бывший панк-рокер и лидер группы «Бумтаун Рэтс». Концерты проводились для сбора средств в помощь голодающим Эфиопии. Боб Гелдоф, прозванный за свою деятельность Святым Бобом, решил устроить это грандиозное благотворительное шоу после того, как увидел телерепортажи о засухе и голоде в Эфиопии. Ценой неимоверных усилий, различных уловок, призывов к совести и дружеских уговоров он сумел запустить шоу, о котором невозможно было и мечтать.

Оба марафонских концерта в этот жаркий день 13 июля 1985 года проходили с непрерывным успехом. Группа за группой делала очередной вклад в благотворительность, свидетелем чего был весь мир. В Лондоне концерт, на котором присутствовали принц Чарльз и принцесса Диана, начался в полдень выступлением «Статус Кво». «Rocking All Over The World!» («Потрясем мир!») — призывала группа. Это и было целью выступлений всех участников шоу, которое закончилось шестнадцать часов спустя в Филадельфии.

Много замечательных и первоклассных исполнителей порадовали любителей поп — и рок-музыки. Но одна группа, несомненно, выделялась на этом празднике. Это — «Куин». Уже около семи вечера их выход объявили известные британские комики Гриф Рис Джоунз и Мел Смит. Семидесятитысячная толпа взорвалась. Под первые аккорды «Hammer To Fall» Меркьюри предстал на сцене — в белой майке и голубых джинсах, на шее — серебряный амулет. Он легко скользил по сцене, каждый его жест приковывал к себе внимание аудитории. Через несколько минут она была повержена. Исполнялись бессмертные хиты «Bohemian

Rhapsody» и «Radio Ga Ga», приведшие публику в состояние экстаза. А Фредди все заводил себя, группу и зрителей. На его лице, блестевшем от пота, отражалась высшая степень напряжения.

Позже он говорил: «Я пытался их покорить. Не думаю, что мое выступление удалось. Надо отдавать все, чтобы завоевать сердце каждого из них; поэтому всякий раз, выходя на сцену, я пытаюсь доставить людям радость».

В этот день «Куин» превратились в суперзвезд, и миллиарды людей стали свидетелями их силы и магнетизма. Элтон Джон признался, что им не было равных. Это рок-представление длилось двадцать минут, дав возможность Меркьюри полностью проявить себя. Толпа подпевала «Crazy Little Thing Called Love», откликалась на каждый ритм «Radio Ga Ga». Семьдесят тысяч человек раскачивались в такт «We Are The Champions».

Меркьюри говорил: «Мы выбрали песни, которые люди знают и легко узнают. Цель концерта — обратить внимание на одну из самых больших человеческих проблем, однако мы хотели, чтобы было не так грустно».

Меркьюри был хозяином сцены. Исполняя на пианино «Bohemian Rhapsody», а на гитаре — «Crazy Little Thing Called Love», он даже нашел время подурачиться с одним из операторов Би-Би-Си.

Перед самым финалом, который должен был венчать гимн «Лайв Эйд» — сильнейший хит всех времен «Do They Know It's Christmas?» в исполнении участников концерта, на сцене вновь появились «Куин». Под восторженные вопли Меркьюри и Мэй исполнили как нельзя более подходящую к этому событию «Is This The World We Created?..» с альбома «The Works».

«Удивительно, — вспоминал Меркьюри, — мы написали эту песню задолго до „Лайв Эйд“. Эта песня — о страданиях детей и голоде на планете, поэтому мы не могли без нее обойтись».

На следующий день пресса взахлеб рассказывала о концерте и безусловном успехе группы. Лондонская «Дейли миррор» назвала шоу «абсолютно превосходным», а Боб Гелдоф сказал: «Куин» была лучшей группой дня, что бы ни говорили".

Брайан Мэй вспоминал: "Все играли неплохо, но Фредди был на голову выше. От него сходили с ума все, не только поклонники «Куин». Публика и телезрители даже не догадывались, что у Меркьюри было больное горло и врачи настоятельно советовали ему не участвовать в концерте. Однако уговоры не подействовали — Фредди не мог разочаровать своих поклонников.

Триумф «Куин» на «Уэмбли» с лихвой компенсировал разочарования их фанов, которые сокрушались, что любимая

группа не приняла участие в записи сингла «Do They Know It's Christmas?», потому что была на гастролях в Европе, когда шла запись. «В этот раз „Куин“ — со всеми командами», — говорил перед концертом Меркьюри.

Трагедия в Эфиопии была воспринята Меркьюри, как и многими в мире рока, с сочувствием: «Когда я увидел репортаж, он меня очень взволновал. Я даже не смог досмотреть передачу и выключил телевизор». Но Фредди отверг слухи о том, что группа отменила все выступления, для того чтобы сыграть в «Лайв Эйд» из-за комплекса вины: «Я никогда не испытывал вины за свое богатство. Что я чувствовал, так это обиду и досаду, что в мире такое творится. Одно время во мне преобладало чувство беспомощности. Цель этого проекта — поднять людей на борьбу с голодом и засухой. Донести это до каждого».

В то же время «Лайв Эйд» имел большое значение и для самой группы. Год назад они разочаровали часть своих поклонников, выступив в Южной Африке. Это неприятно выделяло «Куин» среди других рок-звезд. Участие в «Лайв Эйд» было шансом поправить свой "имидж. Музыканты собирались дать лучшее шоу в своей жизни и уединились на два дня в студии, репетируя предстоящее двадцатиминутное выступление. На этот раз они старались, чтобы все получилось идеально: «Мы потратили больше времени на репетиции, чем обычно перед очередным турне», — вспоминал Брайан Мэй. Успех на «Уэмбли» стал поворотным моментом для «Куин», поскольку 1982 — 1983 годы были для группы временем затишья. Она снова появилась на сцене с выходом альбома «The Works», содержавшим множество хитов.

«Лайв Эйд» завоевал для «Куин» сердца более молодых поклонников. Меркьюри больше не выглядел в их глазах звездой семидесятых. Концерты группы переместились с маленьких арен на огромные стадионы. В 1984 они дали четыре концерта на одной из площадок «Уэмбли», вмещающей только 9 тысяч человек. Спустя год после «Лайв Эйд» «Куин» играли на стадионе «Уэмбли» перед 150 тысячами человек и перед 120 тысячами — в Небворте. Во время их европейского турне на каждый концерт приходило более 80 тысяч зрителей.

Все участники «Лайв Эйд» прекрасно понимали, что их благотворительный проект имеет и коммерческую сторону. Они признавали, что это шоу каждому даст уникальную возможность показаться буквально всему миру. За день до концерта Роджер Тейлор говорил: «Конечно, это замечательное мероприятие, оно поможет собрать много денег. Но не надо забывать — мы это делаем и для своей славы». Неделю спустя после «Лайв Эйд»

альбом «Куин» «Greatest Hits» взлетел в списках на целых пятьдесят позиций, а пластинка «The Works» снова стала хитом. Продажа пластинок и видеозаписей группы увеличилась примерно в пять раз. Первый сольный альбом Меркьюри «Mr. Bad Guy» поднялся на сорок позиций, его продажа возросла в три раза.

Однако все это не шло в сравнение с тем, что «Лайв Эйд» внес в мир рок-музыки новые чувства ответственности, единения и теплоты, которыми он не мог похвастаться прежде. «Куин» под впечатлением шоу записали сингл, посвященный Бобу Гелдофу. «One Vision» был исполнен признательности этому человеку за его настойчивость в оказании помощи страдающим. В ноябре 1985 сингл занял седьмое место.

«Боб Гелдоф сделал великое дело, — говорил Меркьюри во время „Лайв Эйд“. — Можно вообразить, сколько сил ему стоило собрать всех нас и добиться успеха. Я испытываю глубокое уважение и восхищаюсь им».

Глава 8
Любовь. Мужчины и женщины в жизни Фредди Меркьюри

“Любовь для меня — это русская рулетка”.

Фредди Меркьюри вел бурную, полную приключений сексуальную жизнь, иногда меняя любовников каждую ночь. Желающих составить ему компанию в постели было предостаточно, тем более что Фредди, как он сам признался, обладал «огромным сексуальным влечением». Но Меркьюри хотел романтики — иметь постоянного партнера, который мог бы с ним разделить тот фантастический мир, что он создал вокруг себя. Он нуждался в человеке, способном дать ему любовь, заботу и сопереживание.

Меркьюри был раздираем этими желаниями почти всю свою жизнь. «Я могу переспать с кем угодно, — хвалился он однажды. — Бывают дни, когда я живу только сексом».

По словам его друзей, у Меркьюри были сотни партнеров. Многие из них отмечали, что он не мог оставаться один — особенно ночью. Во время своих редких откровений он признавался, что часто, оставаясь один, просыпался среди ночи в холодном поту. Огромный сексуальный аппетит Фредди был основной темой одного из приемов по случаю его дня рождения. Многие из гостей дарили ему секс-игрушки. Отнюдь не случайно Меркьюри любил проводить большую часть своего времени в Мюнхене и Нью-Йорке — центрах гей-культуры. После концерта он отправлялся в клубы и бары, где с ним стремились познакомиться толпы мужчин.

Меркьюри часто говорил, что его многочисленные сексуальные партнеры — это попытка избавиться от одиночества. Хотя в этом и есть доля правды, в основном такое объяснение было использовано им, чтобы скрыть тягу к случайным связям.

Когда Меркьюри говорил о любви, неприступная рок-звезда превращалась в мягкого человека: "Я очень уязвим, но только тогда, когда я подпускаю к себе слишком близко кого-то. Вокруг меня высокий барьер.

Я влюбляюсь очень быстро, и это часто причиняет мне боль. Может быть, я притягиваю к себе не тех людей. Когда ты влюблен,

часто теряешь контроль, а это бывает опасно. Я бы хотел иметь постоянные и счастливые отношения, но до сих пор ничего не получалось. Мне нужна стабильность, но я не могу обойтись без свободы".

Многомесячные гастроли становились для него поисками очередных приключений. Когда остальные члены группы отправлялись на стриптиз или в дискотеку, Меркьюри шел в «голубые» районы. Он находил Нью-Йорк особенно притягательным: «Это город Греха с большой буквы».

Барбара Валентин, немецкая кинозвезда, ставшая близким другом Меркьюри во время его пребывания в Мюнхене, вспоминает, как посетители гей-клубов буквально липли к нему. Гость, побывавший на одной из его вечеринок на Ибице, рассказывает о таком случае: "Множество местных геев приходили на эти вечеринки, что придавало им особый оттенок. Вспоминается один эпизод. Меркьюри и симпатичный молодой человек дурачились, бегая вокруг бассейна, и хлопали друг друга по задницам, приговаривая: «Возьми это, ты, сучка!»

В начале восьмидесятых Меркьюри сменил длинные волосы и женственную сценическую одежду на другой характерный имидж. Он коротко подстригся, отрастил усы и предпочитал носить одежду из кожи. По этому стилю безошибочно определялись его сексуальные пристрастия. Однажды Меркьюри признался своему другу, что он мечтает встретить кого-то, похожего на американского актера Берта Рейнольдса. К несчастью для Меркьюри, актер был гетеросексуалом.

Фредди гордился своими физическими данными. Когда он замечал, что кто-то косится на выпуклости в его штанах, он говорил: «Это не бутылка из-под „колы“, это все мое».

Однако в интервью Меркьюри никогда прямо не признавался в своих наклонностях. Он туманно говорил, что у него отношения «как с мужчинами, так и с женщинами». Обычно он говорил еще и следующее: «Если это кому-то интересно, то пусть узнают сами. Они могут думать что угодно о моем бисексуальном имидже. Я хочу, чтобы меня окружала тайна». Большинство из его поклонников или не подозревали о его гомосексуальных связях, или же отказывались верить слухам. А для многих поклонниц он был идеалом потенциального мужа. Одна из них заявила: «Он моя мечта. Его не видят с девушками на людях, потому что у него есть любимая, которую он хочет уберечь от назойливого внимания. Но если он ее оставит, я с удовольствием займу ее место. Он такой трепетный и обаятельный».

Почему Меркьюри никогда не признавался, что был гомосексуалистом, отшучивался и уходил от ответа, мы никогда

не узнаем. Некоторые считали, что он не хотел обидеть своих глубоко религиозных родителей. Другие — что, будучи скрытным, он никогда никого не посвящал в детали своей жизни. Доказательством тому служат немногочисленные интервью, в которых он рассказывал о своей личной жизни. Третьи же считали, что, как истинный бизнесмен, Фредди решил не, афишировать свои пристрастия, так как это может отторгнуть от него часть поклонников. В Америке во время одного из концертов публика забросала его безопасными лезвиями. Так она отреагировала на изменение внешности, с головой выдававшее в нем гея.

Эти чувства усилились, когда в Америке был показан клип «I Want To Break Free», где музыканты были одеты в женские платья. Брайан Май сказал по этому поводу: «Все в Британии приняли клип как шутку. В Америке же он не имел успеха и был воспринят как оскорбление».

Один из «голубых» друзей Меркьюри отрицает, что у певца были проблемы, связанные с сексуальными наклонностями: "Я много общался с Фредди и никогда не замечал, что его заботит собственная секс-ориентация. Я восхищался им, потому что он никогда не принимал это близко к сердцу, как многие другие, никогда не стыдился. Он считал: «Мне нравятся мужчины, ну и что?»

Пол Прентер, менеджер Меркьюри в течение девяти лет, вплотную наблюдал за его жизнью. (Он также умер от СПИДа — за три месяца до смерти Меркьюри). Прентер продал газете «Сан» свои воспоминания о Меркьюри, чем привел его в негодование. Он рассказал газете о том, как Меркьюри любил посещать гей-бары и клубы и возвращался домой в семь утра и редко — один.

По словам Прентера, для поддержания сил Меркьюри я употреблял кокаин. Причем любил это делать в компании. Еженедельно на наркотик у него уходило по пятьсот фунтов. Прентер утверждал, что за все время, пока он работал с Меркьюри, тот не переспал ни с одной женщиной. Он также поведал о том, что двое бывших любовников Меркьюри — Тони Бастин, которого он встретил в гей-клубе в Брайтоне, и Джон Мерфи, стюард (с ним Меркьюри познакомился в самолете на пути в Нью-Йорк), — умерли от СПИДа. После их смерти Меркьюри запаниковал в ожидании той же участи. Он поделился своими опасениями с Прентером.

После того как в 1985 году Меркьюри внезапно покинул Мюнхен, он, по словам Валентин, совершенно изменился. Загулам в клубах и барах он предпочитал уединение в своем доме в Кенсингтоне. Многие из его друзей были озабочены переменой.

Меркьюри объяснял это так: «Я человек крайностей. Легко меняю черный цвет на белый. Я не люблю что-то среднее. Серый никогда не был моим любимым цветом».

После безумных похождений он обосновался в своем лондонском доме и постепенно начал отгораживаться от всего мира. Там, вместе со своим преданным и последним другом Джимом Хаттоном, ему предстояло закончить свою жизнь.

Немногие женщины вошли в жизнь Фредди Меркьюри. Мэри Остин, бывшая управляющая магазином, была, пожалуй, единственным исключением. Изящная блондинка, Мэри была для него скорее близким другом. Они встретились в начале семидесятых, и их дружба продолжалась вплоть до трагической смерти Меркьюри. Их судьбы пересеклись в магазинчике под названием «Биба», расположенном на улице Кенсингтон-Чёрч недалеко от киоска, в котором работал Меркьюри.

«Биба» был не просто магазином одежды конца 60-х — начала 70-х. Это был стиль жизни. Молодежь толпилась в этой окуренной благовониями и украшенной папоротниками лавочке, чтобы выбрать красивые, немного старомодные наряды, выкрашенные в самые экзотические цвета. Хотя большинство товаров здесь предназначалось женщинам, мужчины находили здесь майки, свитера и другие предметы туалета, годные и для них. Меркьюри был одним из этих мужчин, а Мэри Остин — одна из неимоверно красивых девушек (помада цвета бордо и такие же колготки), работавших в этой томной среде.

Позднее магазин переехал в здание «Дерри энд Томас» на улице Хай-Кенсингтон, на верхнем этаже которого располагался клуб «Гарденс», в котором Меркьюри устраивал одну из своих вечеринок. «Биба» стал одним из крупнейших магазинов одежды. На пяти этажах располагаются торговые площади размером двести тысяч квадратных футов. Толпы туристов со всего мира покупают здесь первоклассную одежду. Но магазинчик на Чёрч-стрит обладал неповторимым уютом и, что более ценно, был превосходным местом для знакомств.

Меркьюри рассказывал мне: «Я встретил Мэри в 1970 году, и с тех пор у нас прекрасные отношения. Я был с ней близок, как ни с кем иным. Мы прожили вместе семь лет, и я ее по-прежнему люблю».

Когда Меркьюри умирал, Мэри была одной из немногих, кто сидел у его кровати, и каждый день со слезами на глазах покидала дом в Кенсингтоне. Именно Мэри сообщила родителям Меркьюри о смерти сына.

В начале знакомства Меркьюри и голубоглазая красавица были любовниками и снимали квартиру в районе Хол-ланд-парк в

нескольких минутах ходьбы от их работы. Постепенно его отношения с Мэри становятся платоническими, по мере того как Меркьюри начинают интересовать мужчины. Но, несмотря на это, они остаются преданными друг другу, и эта привязанность крепнет. Объясняя то, что многим людям покажется странным, Фредди говорил мне: "У нас прекрасное взаимопонимание. Она дает мне необходимую свободу. Я не рожден для семьи. Я слишком беспокоен для этого.

Мэри принимает мой стиль жизни. Но это понимание пришло не сразу. Она научилась не ревновать меня. Я знаю многих, кто не сможет этого понять. Мы вместе пережили всякое, и это сделало наши отношения еще более крепкими. Люди, которые вошли в наши жизни, должны просто их принять. Мы очень любим друг друга".

Как-то Мэри сказала, что, если бы Меркьюри был гетеросексуалом, они бы поженились. Меркьюри упоминал, что они не раз обсуждали возможность брака. Он часто, особенно в трудные для себя моменты, заявлял, что Мэри — единственный его близкий друг и что, когда он умрет, оставит ей большую часть своего двадцативосьмимиллионного состояния. Это были не пустые слова. В финансовых вопросах Меркьюри относился к ней, как к жене. Когда они перестали жить вместе, он купил ей квартиру с четырьмя спальнями в нескольких минутах ходьбы от своего дома, чтобы они могли видеться каждый день.

Когда Меркьюри умер, Мэри Остин произнесла наиболее трогательные слова. Ее голос был полон искренней скорби: «Я переживаю чувство огромной потери и боли. Думаю, что многие его поклонники испытывают то же самое. Я всегда любила Фредди. Уверена, что и он не переставал любить меня».

Конечно, в жизни Мэри кроме Меркьюри были и другие мужчины. Четыре года длилась ее любовная история с Джо Бёртом из группы «Сектор-ау», а затем — с дизайнером Пирсом Камероном. Но, несмотря на это, она виделась с Меркьюри почти каждый день. Когда у нее и Камерона появился сын Ричард, именно Меркьюри, от которого она мечтала иметь ребенка, стал крестным отцом мальчика. Он осыпал малыша подарками. В своем разрыве с Мэри Меркьюри винил постоянные гастроли, во время которых он был подвержен «разным влияниям». Это был типичный эвфемизм Меркьюри, подразумевающий его любовников. Пол Прентер, говоря о могучем сексуальном влечении музыканта, упоминал, что Меркьюри легче пройтись по воде, чем с женщиной.

Многие из друзей Меркьюри находили его отношения с Мэри странными. Тони Бринсбей говорил: «Когда я впервые начал

работать с Фредди, он был уже знаком с Мэри. Они были очень близки, и это для меня было непонятно, потому что Фредди был гей. Мэри помогала ему во многом — следила за костюмами, накладывала грим. Она была ему совершенно необходима». В то же время это не казалось странным для Тони Пайка: «Мэри была с ним почти все время, и я это понимаю. Я знал многих мужчин, у которых были семьи и дети, а затем они становились гомосексуалистами».

Еще один давний друг Меркьюри, Питер Стрейкер, вспоминает: «Мэри и Фредди были без ума друг от друга. В этом нет никаких сомнений».

Мэри не была похожа на тех женщин, которые окружают гомосексуалистов. Многим это казалось странным. Меркьюри по этому поводу говорил: «Я никогда не делал того, что делают все, наши отношения не подпадают под клише». Она не была «бородой»-девушкой, которая сопровождает гея, чтобы его могли принять за гетеросексуала. Или же «фэг хэг» — женским окружением геев, с которыми они любят общаться, но не испытывают никаких глубоких чувств. По словам Меркьюри, отношения с Мэри были ближе, чем с кем-либо из его любовников, хотя сексуальная связь давно прекратилась.

Мэри пыталась создать вокруг Меркьюри атмосферу стабильности, не ущемляя его свободу. Она была всегда рядом, когда он в ней нуждался. Это были не просто отношения двух родственных душ. Близкие друзья говорили, что именно Мэри впервые вдохновила и развила его экстравагантный сценический образ, показывала, как накладывать грим и пользоваться черным лаком для ногтей, который стал отличительной чертой ранних «Куин». Она помогала превращению торговца старой одеждой в звезду рока.

Однажды Меркьюри сказал: «Мы так и состаримся вместе. Я не могу представить жизнь без нее. Иногда настоящий друг более ценен, чем любовник». Эти слова — не просто красивые фразы, к которым Меркьюри прибегал, отвечая на вопросы, касающиеся его личной жизни. В них больше правды, чем в любых других словах.

Еще одной женщиной, оставившей след в жизни Фредди Меркьюри, была немецкая актриса, успевшая до их знакомства уже трижды развестись. Меркьюри и Барбара Валентин встретились в Мюнхене, когда он переехал, так как жизнь в Лондоне казалась ему ограниченной слишком узкими рамками. В Мюнхене с его свободными нравами и гей-культурой Меркьюри мог жить без боязни привлечь к себе лишнее внимание. Их встреча произошла в гей-баре «Нью-Йорк», и с первой минуты

знакомства они стали друзьями. Меркьюри нашел, что Валентин, которая пользовалась успехом в гей-среде благодаря совместной работе с режиссером Райнером Вернером Фассбиндером, была чрезвычайно интересной личностью. Ее же привлекло в Меркьюри его обаяние и joie de vivre.

Их знакомство продолжилось в женском туалете бара, куда они переместились, чтобы укрыться от гомона и музыки дискотеки. Валентин примостилась на унитазе, в то время как Меркьюри устроился рядом на корточках, держа в руках рюмку своей любимой русской водки. Они говорили взахлеб, как старые друзья, не видевшиеся целую вечность. Талантливая актриса (она снялась более чем в семидесяти фильмах) так вспоминала их первую встречу: «Это произошло совершенно случайно. Я была в баре с большой компанией. У Фредди также было много друзей. Я нечаянно обожгла кого-то из его компании сигаретой. Этот человек накричал на меня, затем извинился и предложил выпить с ним и с его другом. Этим другом и оказался Фредди. Мы поздоровались и в течение следующих двадцати четырех часов болтали не переставая».

Они вспоминали свое прошлое, говорили о любовных делах и планах на будущее. Когда наконец они наговорились и вышли из туалета, то обнаружили, что в баре никого нет, а входная дверь закрыта. Было четыре утра, и они продолжали говорить, пока через несколько часов их не вызволила уборщица.

Это было началом прекрасной и странной дружбы. Какое-то время они даже жили в одной квартире. Позже Валентин скажет: «У нас были необычные отношения. Он был геем, я любила мужчин. Но мы были влюблены».

В течение трех следующих лет он и Барбара были неразлучны. Когда я брал у него интервью на вечеринке в Мюнхене по поводу выхода «The Works», он показал взглядом на нее и сказал: «Видишь эту даму с большим бюстом? Это Барбара. Одно время она была немецкой Бриджит Бардо. Она просто умора».

Если Мэри Остин была скромной и тихой, то Барбара являлась ее полной противоположностью. Как и Фредди, она хотела взять от жизни все. Они вместе шатались по мюнхенским гей-барам, где к Меркьюри тянулись, как к намагниченному. Иногда Барбара, Меркьюри и его очередное увлечение под конец этих походов оказывались втроем в одной постели. Бывали времена, когда они ревновали мужчин к другу. Однажды Меркьюри даже ударил одного, который, как ему показалось, уделял Барбаре слишком много внимания.

На одной из вечеринок Меркьюри и Валентин переодели двух

молодых людей в женские платья, немыслимые шляпки с перьями и вуалью, посадили их перед телевизором, запустив любимый фильм Меркьюри «Женщины». Появление на экране одной из героинь в похожей шляпке вызвало у них бурный восторг.

Валентин, которая и в пятьдесят выглядела очень соблазнительно, говорила, что у Меркьюри был неукротимый" сексуальный аппетит. Он «западал» на мужчин с большими лицами и огромными руками. Барбара их называла «водителями грузовиков».

Некоторые были только на одну ночь. Другие же, как Винни, с которым Меркьюри обменялся обручальными кольцами, становились постоянными любовниками. Но, несмотря на армию мужчин в жизни Меркьюри, Валентин считает, что их отношения были глубже и преданней, чем с кем бы то ни было во время его мюнхенского периода жизни. После смерти Меркьюри в интервью немецкому журналу «Бунте» она говорила: «Я не ревновала его. Я проводила с ним больше времени, чем кто-либо».

Иногда Валентин пыталась открыть Меркьюри глаза на некоторых из его любовников. Она говорила ему, что человеку такого уровня и интеллекта не стоит заблуждаться и сходить с ума по поводу очередного красавчика.

«Некоторые из этих мужчин были удивительно глупы, попадались и такие, кто не окончил школу. Я говорила Фредди, что если он и сам присмотрится к ним, то удивится. Он признавался, что они ему нужны только для постели», — вспоминала она.

Порой вмешательство третьего лица в их отношения могло спровоцировать скандал: «Один из парней мыл мне голову в раковине в подсобке бара. Увидев это, Фредди приревновал меня и вмазал этому парню. В другой раз я флиртовала с кем-то. Фредди это не понравилось, и досталось теперь уже мне. Но для меня эта пощечина была как букет цветов. Тогда наши отношения было очень трудно понять, да мы и не хотели, чтобы кто-то это делал».

Они много путешествовали вместе. В Рио, где «Куин» стали гвоздем программы фестиваля, они затащили к себе в номер охранника, раздели догола, а одежду выбросили в бассейн под окном. Меркьюри смотрел на парня и хохотал, а затем сказал: «Вот это рок-н-ролл». Но вместо того, чтобы треснуть по Фредди по выступающим передним зубам, охранник начал с ними выпивать.

Однажды сам Меркьюри надел платье Валентин, ее туфли на шпильках и устроил невиданное представление в их квартире стоимостью один миллион фунтов. Иногда Меркьюри впадал в

истерику, ломал свою великолепную мебель, кричал голосом сумасшедшего. Через час все проходило, и он увлеченно занимался цветами в саду. Однажды во время такого приступа он начал биться головой о батарею, был весь залит кровью. В другой раз Меркьюри принялся душить Валентин во сне, и ей понадобилась посторонняя помощь, чтобы освободиться: «Фредди не осознавал, что делает. Он был в трансе».

Но в основном Валентин помнит его нежным и внимательным: "Фредди был очень романтической натурой. Но часто хотел выглядеть крутым геем. На самом деле он был добрым и человечным, очень многих выручал и мог различать добро и зло. В большинстве своем люди его профессии и положения будут рады всадить тебе нож в спину, как только отвернешься. Фредди был не таким.

Иногда он чувствовал себя очень одиноко. В такие дни мы делились друг с другом нашими проблемами до самой ночи. Фредди становился очень внимательным, когда я рассказывала ему о моих проблемах. Его юмор как ничто другое помогал мне, и я успокаивалась. Он был всегда прав. Мы могли говорить часами. Он был очень заботлив. Однажды, когда' я была больна, Фредди не отходил от постели.

Когда Меркьюри был в Мюнхене, одна из его домашних кошек умерла. Фредди сходил с ума от горя и плакал, как маленький. На следующий день он отправился в Лондон на ее похороны.

Прошлым летом в Лондоне заболел один из его золотых карпов. Джим, друг Фредди, пытался его лечить, но безуспешно. В конце концов ему пришлось убить рыбу, чтобы избавить ее от мук. Фредди и я были вместе, когда приехал Джим и рассказал, что ему пришлось сделать. Фредди не смог сдержать рыданий".

В 1985-ом все изменилось. Меркьюри решает возвратиться в Лондон. Без какой-либо причины и объяснений он внезапно покидает город, который доставил ему столько удовольствий. В Лондоне он предпочитает компанию своих кошек, рыбок и цветов загулам, вечеринкам и сексу. Фредди становится призраком того человека, который покорил Валентин в мюнхенском гей-клубе.

В 1987 году они встретились снова, когда Валентин приехала на исполнение «Барселоны». Барбара была в ужасе, увидев темное пятно, проступающее на его лице. Актриса, многие из друзей которой умерли от СПИДа, знала, что это синдром Калоши, один из признаков смертельной болезни. «У меня земля зашаталась под ногами. Я посмотрела на Фредди, а он — на меня. Мы не говорили об этом, но я знала правду. Я сказала, что он не может выйти на сцену в таком виде, и помогла скрыть пятно под

гримом», — вспоминает Валентин.

В следующие месяцы пятно распространилось на нос, шею, плечи и ноги. Как и Мэри Остин, Валентин подтвердила, что Фредди терзали страшные боли и он принимал болеутоляющее. Он никогда не жаловался на свои страдания. В обстановке секретности Меркьюри несколько раз находился в больнице, где ему делали переливание крови. Однажды в Швейцарии они зашли в одну церковь и молились, чтобы свершилось чудо. Меркьюри любил, когда его навещали близкие друзья, и говорил, что Барбара вновь сделала его счастливым. Последним летом, во время одного из таких визитов, он наиграл Валентин «The Show Must Go On» с последнего альбома группы. Фредди лежал на своей огромной кровати очень худой и изможденный. Барбара сидела рядом, и они вспоминали о днях, проведенных вместе, и просматривали старые фотографии, которые Меркьюри хранил в коробке из-под ботинок в шкафу.

Меркьюри не мог уснуть сутками, был слаб и беспомощен. На его лице отчетливо проступали признаки приближающейся смерти. Барбара покидала дом со слезами на глазах, зная, что у них больше никогда не будет счастливых дней. Несколько недель спустя она прислала ему ключ от их квартиры, сделанный из золота. Ключ от прошлого, которого не вернешь.

Глава 9
Меркьюри и другие звезды. Синтез музыки и танца.

“Талант всегда себя проявит, дорогуша”.

Фредди Меркьюри был общителен, амбициозен и при этом легко впадал в скуку. Эти качества помогли ему сойтись и сработаться с другими звездами. Он любил компанию известных людей из мира шоу-бизнеса, и многие из них были гостями на его вечеринках. Хотя Фредди и стремился быть первым среди рок-музыкантов, он никогда не видел в соперниках угрозу своему первенству, наоборот — они косвенно способствовали его карьере.

Меркьюри обладал огромной работоспособностью, что давало ему возможность выпускать сольные альбомы. Он работал и с другими исполнителями. Наиболее необычным и оригинальным стало сотрудничество с Монсеррат Кабалье, в то время как наиболее интересными партнерами в попфьюжн стали Дэвид Боуи и Майкл Джексон.

«Куин» и Боуи работали в Швейцарии над «Under Pressure», в студии в горах, где записывался альбом «Hot Space».

Это была в основном танцевальная музыка с отличными импровизациями на бас-гитаре, попавшая в британские списки хитов в ноябре 1981-го. Девять лет спустя другая версия «Under Pressure» возвратилась в хит-парады, когда Ванилла Айс позаимствовал эти импровизации для своего «Ice Ice Baby», проданного в миллионах экземпляров.

Рассказывает Меркьюри: "Песня «Under Pressure» появилась совсем случайно. Дэвид пришел в студию в Монтрё, где мы работали. Мы начали импровизировать вместе. Песню сочинили очень быстро и, главное, удачно.

С Дэвидом очень интересно работать, он чрезвычайно талантлив. Его игра на Бродвее в пьесе «Человек-слон» заставила меня по-новому взглянуть на актерское мастерст-во. Возможно, этим я и займусь в будущем".

Боуи купил дом недалеко от тихого швейцарского городка Монтрё, чтобы отдохнуть от бешеной жизненной круговерти и наркотиков, которые чуть не разрушили его карьеру.

«Куин» приехали в Монтрё, и я пошел навестить их в студии. Мы начали играть джем, что и положило основу песни «Under Pressure». Нам понравился мотивчик. Все было закончено через сутки", — вспоминает Боуи.

В отличие от Боуи, плоды сотрудничества Меркьюри с Майклом Джексоном никогда не увидели свет, «Это были три песни, но, к сожалению, мы их не закончили. Мы оба были очень заняты, и не получалось быть одновременно в одной стране, чтобы завершить работу», — говорил Меркьюри.

Одна из песен, над которой они начинали работать, была записана Джексоном в дуэте с Миком Джаггером. Она называется «State Of Shock». Они работали вместе в течение четырех дней в студии Джексона в Лос-Анджелесе. Это была странная пара: Меркьюри не представлял своей жизни без секса и наркотиков, Джексону были совершенно чужды эти пристрастия. Для поддержания тонуса Фредди нюхал кокаин. Сначала ему приходилось это делать в туалете, чтобы не шокировать Майкла, для которого наркотики, сигареты и алкоголь не существовали.

Впервые они встретились после концерта «Куин» в Лос-Анджелесе.

Говорит Меркьюри: "Он часто к нам приходил. Каждый из нас интересовался творчеством другого. Мы демонстрировали друг другу новые работы. В конце концов мы решили: почему бы нам не сделать что-нибудь вместе? Я чуть было не попал на его альбом «Thriller».

Я получал удовольствие, работая с Джексоном, тем более что мы с ним друзья. Одна из песен называлась «State Of Shock». Майкл позвонил мне и предложил ее закончить. К сожалению, я не смог — у меня были обязательства перед «Куин».

Меркьюри сделал массу записей, которые так и не попали к слушателям. Одна из самых необычных была сделана с Уэйном Иглингом, солистом Королевского балета, который был близким другом Меркьюри. Однажды Иглинг убедил певца использовать танец в своем творчестве и стал хореографом видеоклипа «I Want To Break Free».

«Фредди часто приходил на мои выступления в „Ковент-Гарден“. А я бывал на его концертах. Мы стали друзьями и даже записали вместе одну песню под названием „No I Can't Dance“. Для меня петь было тяжелым испытанием — мне казалось, все слышали, как колотится мое сердце. Но работать с Фредди было одно удовольствие. У меня до сих пор сохранилась эта запись», — говорит Иглинг.

По его словам, Меркьюри постоянно выдавал какие-то новые идеи и проекты. «Он хотел снять в дискотеке клип-шутку с

участием солистов балета, таких как Нуриев и Фонтейн».

Рок-идол 60-х, один из близких друзей Меркьюри Дэйв Кларк, говорил со мной по телефону из своего офиса в центральном Лондоне.

Впервые Кларк встретился с «Куин» во время их концерта в Гайд-парке в сентябре 1976-го. «Я наблюдал за концертом сбоку, со стороны сцены. Мне понравилось выступление Фредди. Затем мы встречались на разных вечеринках и концертах. После нашей совместной работы в студии мы стали настоящими друзьями».

Их сотрудничество началось в 1985 году, когда Кларк предложил Меркьюри написать основную тему для мюзикла «The Time». Это был первый опыт Фредди в жанре мюзикла; тем не менее его песня вошла в списки популярности следующим летом.

«Я уважал творчество группы и думал, что с Фредди будет тяжело работать, но оказалось совсем наоборот. Он хотел совершенства, но прислушивался к советам. Он мог работать с шести утра до шести вечера. Даже в студии он пел, как будто перед ним многотысячная аудитория. Он выкладывался до конца».

Хотя Фредди была по душе работа над музыкой, но он все-таки не был настолько тщеславным, чтобы самому участвовать в представлениях.

«Фредди сказал, что сыграет только в трех из восьми спектаклей. Он обещал приехать на спектакль, чтобы исполнить пару песен. Он сдержал слово и выступил для фонда Терренса Хиггинса».

У Меркьюри была еще одна черта, вспоминает Кларк, о которой не могла знать публика. В жизни Фредди был противоположностью своего сценического имиджа. Он был очень внимателен к друзьям. Во время работы в студии «Abbey Road» он приносил с собой разные яства и угощал всех. Там были икра, лососина, различные сыры и его любимое шампанское «Кристалл». Его щедрость распространялась даже на незнакомых людей.

Когда он слышал по телевизору о чьих-либо финансовых трудностях, он анонимно, через одну из своих компаний, посылал чек. Я помню, как он послал чек паре, чей дом конфисковали за неуплату долгов, когда они были на работе. Увидев что-то в новостях или услышав о чьих-то бедах — немедленно тянулся за своей чековой книжкой. Он был искренне щедр. Есть старая история о клоуне, который всех веселит, когда он на сцене, но его жизнь исполнена печали. Имидж часто бывает обманчивым".

Кларк был гостем на нескольких вечеринках, организованных Меркьюри, включая его день рождения на Ибице в 1987 году.

Кларк познакомил Фредди с сэром Лоуренсом Оливье: "Я работал с Оливье над «The Time» и однажды пригласил его на обед. Мы слушали один из альбомов Фредди, когда Оливье сказал: «Вот актер как раз для тебя». Я передал эти слова Фредди, и он не мог поверить, что это сказал о нем один из самых великих актеров. Фредди был несказанно рад. Впоследствии я позвонил Ларри и спросил, не хочет ли он встретиться с Фредди у меня. Ларри и леди Оливье очень быстро подружились с Фредди. Они обладали отменным чувством юмора и беспрестанно всех веселили.

Фредди очень любил оперу, и он был первым, кто отважился заниматься ее популяризацией. Да и пение в дуэте с такой примой, как Монсеррат Кабалье, тоже требовало немалого мужества.

Все, что он делал, было выверено и продумано досконально. Я помню, как он работал над клипом «I'm Going Slightly Mad», уделяя исключительное внимание режиссуре освещения. Когда смотришь его видео, удивляешься умению выражать слова визуальными образами. Он знал, чего хочет, вплоть до каждого звука и оттенка. Он сам делал почти все сценарии и осуществлял постановку".

Поклонники Меркьюри потеряли своего кумира — Кларк потерял друга: "Он был как редкая картина, повторить которую невозможно. Я был один с Фредди, когда он умер — очень мирно и совсем неожиданно. Для нас это был шок. Я думал, Фредди сможет дожить до Рождества.

Каждый, кто умирает своей смертью, хочет, чтобы вокруг были близкие люди. Если бы мы знали, что Фредди отпущено всего несколько часов, его родители были бы с ним".

Кларк говорит, что Меркьюри сохранял присутствие духа до самого конца: «Он был мужественным и не хотел быть никому обузой. Фредди был независим и боролся с болезнью, не оставляя надежду, постоянно молился и верил, что все будет хорошо. Он даже продолжал работать».

Кларк опровергает утверждения о том, что Меркьюри объявил о своей болезни, потому что знал, что скоро умрет:

"Фредди сделал заявление, чтобы пресечь слухи. Он не подозревал, что умрет так скоро. Это было очень смелое заявление, но он решился, потому что чувствовал необходимость такого шага. Он все делал самостоятельно и сам написал это заявление. Фредди обратил внимание на опасность СПИДа задолго до того, как узнал, что он болен. Он принял участие в благотворительном концерте в пользу фон да Терренса Хиггинса в апреле 1988 года.

Никто не может указывать человеку, как себя вести, особенно

в такое время. Фредди приходилось думать не только о себе, а обо всех, кто его окружал. И это помогло многим. Нашлись и такие, кто утверждал, будто всегда были рядом с ним. На самом деле они не общались с Фредди несколько лет".

Кларк также опроверг слухи, согласно которым дом Меркьюри был превращен в госпиталь. Он сказал, что никогда не видел в доме ни медсестер, ни специального оборудования.

Даже на людей, встречи с которыми были мимолетны, Фредди мог произвести глубокое впечатление. Одним из них был Питер Спрингфеллоу, владелец нескольких известных ночных заведений в Америке и Британии. Спрингфеллоу за свои пятьдесят два года повидал многих людей шоу-бизнеса. Он вспоминает эпизод появления Меркьюри в его лондонском клубе «Хипподром»: "В один из вечеров по клубу пронесся слух о возможном приезде Меркьюри. Было такое впечатление, что должны прийти король и королева Непала или по крайней мере какой-то известный политик. Все только об этом и говорили, прекратили танцевать и начали глазеть на балкон, где Меркьюри должен был материализоваться. Наконец он появился весь в белом шелке. Раздались бешеные аплодисменты.

Все знали, что это настоящая звезда. Он вел себя, как звезда, и излучал сияние. Он вошел в клуб, как он обычно выходил на сцену. Только фанфар не хватало. Это был настоящий театр".

Спрингфеллоу и Меркьюри познакомились в 1972 году. Имя молодого певца тогда еще было мало известно, но было что-то, что запало в память Спрингфеллоу с их первой встречи. Это — тщеславие Меркьюри. «Он был очень славным малым с длинными вьющимися волосами и очень забавным. Мы встретились в моем клубе „Синдирелла Рокфеллере“, и я предложил сфотографировать его „Поляроидом“. Фредди начал позировать, и я сделал несколько кадров. Ни один ему не понравился, и он просил меня снимать еще и еще. Помню, я истратил две пленки, прежде чем он согласился оставить одно фото для клуба. С ним было очень легко общаться, но Фредди постоянно контролировал свой имидж».

Обычно после изысканного обеда в одном из самых шикарных лондонских ресторанов «Понтевеччио», расположенном в двух шагах от дома Меркьюри, вся компания направлялась к нему. Дома часами, до позднего вечера, шло обсуждение музыкальных новинок, велись споры о том, кто лучше. Но Меркьюри и его друзья никогда не касались в этих разговорах соперников по жанру вроде Мика Джаггера, Дэвида Боуи или Элтона Джона, а также более молодых претендентов на рок-корону. Разговоры велись вокруг оперы и балета — двух главных пристрастий

Меркьюри. На многочисленных стеллажах в доме располагались видеокассеты и пластинки с записями балетных и оперных постановок.

Частый гость на этих вечерах танцовщик Уэйн Слип рассказывал мне: "Фредди был без ума от оперы и балета. Он здорово в них разбирался и мог говорить на эту тему часами. Обычно он демонстрировал какие-то из своих многочисленных записей, и мы долго спорили, кто лучший оперный певец и кто может взять ноту выше. Фредди очень любил сопрано и сам обладал великолепным голосом. В балете ему более других нравился Брайони Бринд, а из спектаклей — «Месяц в деревне», а также «Лебединое озеро» и «Ромео и Джульетта».

Его смерть стала для нас трагедией. Он был прекрасным и очень талантливым человеком. Мне особенно обидно, что он раскрыл свой талант не до конца. Меркьюри был единственным рок-исполнителем, спевшим в дуэте с величайшей оперной звездой. И это было лишь началом; он говорил мне, что собирается идти дальше.

Фредди также использовал в своих работах элементы балета. Я думаю, что он непременно написал бы что-то для оперы или Королевского балета".

Меркьюри и Монсеррат Кабалье сотрудничали при записи альбома «Барселона» (пластинка заняла 25-е место в британских списках популярности в октябре 1988-го). Одноименный сингл вошел в десятку хитов годом раньше. Песня была специально написана для Олимпиады 1992 года.

Впервые Меркьюри увидел Кабалье на концерте в 1983 году. О своем восхищении ее талантом он говорил в программе испанского телевидения. После этой программы Монсеррат предложила встретиться.

Вспоминает Меркьюри: "Она спросила, не хочу ли я сделать что-нибудь вместе с ней. Я был ошеломлен. Хотя я и люблю оперу, мне никогда не приходило в голову ее петь. После встречи с Монсеррат я узнал о музыке очень много нового. Я ее очень уважаю.

После нескольких встреч мы нашли, что у нас схожее чувство юмора. Я всегда думал, что великие оперные певцы очень недоступны, серьезны и высокомерны. Но это было лишь иллюзией. Она была великолепна: после того как я признался, что мне нравится ее пение, она сказала, что любит мою музыку и в ее коллекции пластинок есть записи «Куин». Монсеррат даже думала, что я предложу ей спеть какой-нибудь рок-н-ролл, и призналась, что ей это было бы интересно".

Идея совместной записи с каждым днем становилась все

более реальной: «Изначально мы думали только об одной песне, но постепенно материала становилось больше, и мы работали уже над альбомом. Поначалу мне было трудно писать музыку для наших голосов. Может показаться смешным, когда представишь нас вместе, но факт остается фактом — в музыке у нас много общего, несмотря на массу других различий. Это доказывает сама музыка».

Необычный дуэт впервые предстал перед шестью тысячами зрителей в экзотическом ночном клубе «Ку» на Ибице в мае 1987 года. Концерт был призван содействовать избранию Барселоны местом проведения Олимпийских игр 1992 года. Дуэт Кабалье и Меркьюри в сопровождении оркестра из восемнадцати музыкантов был гвоздем программы.

После концерта Меркьюри вспоминал: «Пение вместе с Монсеррат было незабываемым событием. Перед выходом на сцену я не мог поверить, что это действительно со мной происходит. Я знал, что рисковал, решившись на это, но, когда все закончилось успешно, у меня появилось желание сделать нечто подобное».

В октябре 1988-го Меркьюри и Кабалье выступили на стадионе Авингуида Де Мария Кристина в концерте, также посвященном Олимпиаде-92. Я был одним из журналистов, доставленных самолетом из Лондона на это шоу. Это было последнее публичное выступление Фредди Меркьюри.

Концерт, в котором также принимали участие Дайэн Уорвик, «Еарс, уинд энд файер», «Шпандау баллет», транслировался на весь мир. Среди более чем ста пятидесяти тысяч зрителей на концерте присутствовало много важных особ, включая короля Хуана Карлоса, королеву Софию и принцессу Кристину. Позже члены королевской семьи встретились с Меркьюри.

Те, кто пришел насладиться «живым» вокалом Меркьюри, были разочарованы. Меркьюри пришлось петь под фонограмму, так как у него возникли проблемы с голосом. Именно тогда поднялась новая волна слухов. Ему также пришлось отказаться от приема в городском Палаччо де Пердраблес.

Тем не менее концерт дал большие сборы, которые пошли в фонд Красного Креста на помощь детям, проживающим в зонах военных действий. После концерта опечаленный Меркьюри извинялся: «Царила удивительная атмосфера. К сожалению, что-то случилось с голосом перед самым моим выступлением. Я не мог рискнуть петь живьем». Позже он также добавил: «Я не хотел петь живьем, потому что у нас было недостаточно времени для репетиций. А эти песни очень сложные». О своей встрече с королем Карлосом и его семьей он сказал: «Они были очень

милы, особенно король. В его присутствии я чувствовал себя очень легко. По словам короля, он рад, что я написал песню для Олимпиады. Он думает, что она обязательно станет хитом».

Вспоминая время, проведенное с Меркьюри, Кабалье так отзывалась о его таланте, доброте и щедрости: "Он всегда говорил, что у меня голос, как кристалл, и присылал мне ящики дорогого шампанского «Кристалл». Он, должно быть, истратил на него целое состояние. В ответ я послала один из моих расшитых золотом костюмов. Фредди выставил его в своем доме. Он был очень добр ко мне, и мы крепко подружились. Нас объединила любовь к музыке. Фредди любил разную музыку, но особенно — оперу. Я думаю, он хотел привить любовь к опере многим молодым людям, его поклонникам. У нас были очень интересные импровизации — он играл на пианино, а я пела. Я хотела, чтобы он попробовал петь оперные партии, ведь у него был великолепный голос. Пару раз мне удалось его уговорить. Во время последних записей в студии он выглядел утомленным. Я думала, что это обычная усталость. Работа в студии нелегка.

Во время одного из последних телефонных разговоров он сказал, что не сможет навестить меня в Барселоне. Его голос, как всегда, был веселым. Я не знала, что он так болен".

Меркьюри верил, что балет, как и опера, может найти интересные точки соприкосновения с роком и открыть новые горизонты для творчества.

Познакомившись со многими танцорами Королевского балета и с бывшим руководителем труппы сэром Джозефом Локвудом, Меркьюри даже участвовал с ними в благотворительных концертах.

«Я репетировал с ними различные движения, — вспоминал он, — стоял у станка и делал растяжки. Я собирался сделать за несколько дней то, на что у них ушли годы. Это было самоубийство. У меня все болело».

На сцене во время исполнения «Богемской рапсодии» Меркьюри исполнял прыжки и пируэты: «Я сделал один экстравагантный прыжок и упал в руки танцоров. Они понесли меня вдоль сцены, а я продолжал петь. Это было очень зрелищно, и публика неистовствовала. Это, конечно, был не Барышников, но получилось совсем неплохо для стареющего новичка».

Глава 10
Рекламная игра. “Паблик релейшнз” и Фредди.

“Мне не нравится, как выдаются вперед мои зубы.
В остальном я совершенен”.

Когда Фредди Меркьюри впервые встретил Тони Брейнсби, в то время уже довольно известного британского поп-публициста, то засыпал его щедрыми обещаниями. «Мы станем самой великой рок-группой, — говорил Меркьюри ошарашенному публицисту. — И вы нам в этом поможете». Худющий молодой человек с изящными чертами лица вскинул вверх руки театральным жестом, который больше подошел бы для викторианской мелодрамы. Руки были длинные и хрупкие, на наманикюренные ногти был аккуратно нанесен черный лак. Руки больше напоминали фрагмент японской скульптуры, чем часть человеческого тела.

Меркьюри как музыкант еще не был известен, его группа не выпустила ни одного диска. Хотя он всего лишь владел на пару с Роджером Тейлором киоском подержанной одежды на Кенсингтон-Маркет, Меркьюри тем не менее держался, словно вкусившая успех рок-звезда. Первая же встреча убедила Брейнсби, что этот человек однажды действительно станет знаменитым.

Тони рассказывал мне: «Фредди был звездой от рождения. Как только он вошел в мой кабинет, я понял: он создан для успеха. Такое чувство возникает далеко не часто, но это — именно тот случай. Фредди был уверен в „Куин“ и их музыке. Он точно знал, какой должна стать группа. Уже тогда Фредди производил впечатление лаком на ногтях и экзотическими нарядами. Для этого требовалась смелость».

Впервые Брейнсби увидел группу в действии во время одного из их первых концертов в Империал-колледже, где учился Брайан Мэй, и сразу влюбился в нее. «Не было даже сцены, а зрителей набралось всего около сотни, но выступление прошло превосходно. Все внимание было приковано к Фредди. Он уже тогда знал, как обращаться с аудиторией».

Брейнсби регулярно ходил на концерты: «Одну вещь я никогда не мог понять. Поклонники „Куин“ — это не только

подростки, но и их мамы и бабушки. Удивительно, что эта аудитория была у них всегда с тех пор, как они начали играть хэви-метал».

По словам Брейнсби, с ними легко было работать: "Фотосъемки для многих групп, которые не уверены в своем имидже или не знают, чего хотят, становились кошмаром. С «Куин» сеансы проходили без проблем. С интервью также проблем не было: Меркьюри прекрасно знал правила игры и никогда до конца не раскрывался. Он не хотел, чтобы все внимание концентрировалось на нем одном. Фредди подчеркивал, что группа «Куин» — это все четверо музыкантов вместе, а не Меркьюри и трое остальных.

В интервью он никогда не говорил о своем детстве — это было секретом. Я думаю, он понимал, что фанам будет трудно принять звезду, рожденную на далеком острове Занзибар, да еще перса по национальности. Таких прецедентов еще не было".

"Меркьюри никогда не признавался, что был геем. Он только все время обыгрывал эту тему. Это было настоящим спектаклем. Каждое предложение он заканчивал словами «дорогой» или «дорогуша».

Брейнсби в Меркьюри поразило то, что он во всем старался быть звездой: «Он всегда хотел иметь все лучшее. Во время гастролей по Америке в одном захолустном городке за Меркьюри прислали обычное такси, чтобы везти его в аэропорт. Фредди отказался ехать, пока не был найден лимузин, считавшийся здесь большой редкостью. Он прибыл в аэропорт с шиком, как и подобает звезде».

Брейнсби помогал организовывать вечеринки «Куин», ставшие их стилем жизни. Он вспоминает: «Одна из лучших прошла в Новом Орлеане в ночь на Хэллоуин (празднование Дня всех святых). Мы сняли гостиницу и устроили настоящее болото — с деревьями, пресмыкающимися и туманом. Выступали стриптиз-гёрлз, повсюду шастали карлики. С этой вечеринки у меня сохранилась редкая фотография, на которой Меркьюри оставляет автограф на заднице одной из стриптизерок. Было очень весело. В одной из комнат две девицы исполняли все плотские желания гостей».

За все время между Брейнсби и Меркьюри произошла лишь одна ссора. Брейнсби был одновременно агентом Пола Маккартни, гастроли которого однажды совпали с выступлениями «Куин». «Я решил поехать с Маккартни, а Фредди хотел, чтобы я занимался ими. Это были сумасшедшие гастроли — я разрывался между их маршрутами».

Когда группа выпустила «Богемскую рапсодию», Брейнсби

был одним из тех, кто считал, что они допустили большую ошибку: «Когда я впервые ее услышал, она мне понравилась, но уж очень долго все это было! Однако Фредди сумел доказать свою правоту. Он был настоящий талант».

Крис Пул, бывший помощник Брейнсби, а в настоящее время владелец компании, занимающейся «паблик релейшнз», среди клиентов которой Дэвид Боуи и Принс, вспоминает: «Фредди и в самом начале своей карьеры был очень экстравагантным. Он носил меховой жакет, красил ногти в черный цвет и все время кривлялся. Но его кривлянье не выдавало в нем гея. В то время, когда группа появилась, гомосексуалистов в Лондоне начинали потихоньку признавать. Прежде это здорово всех шокировало».

Когда Пул начинал работать с группой, у Меркьюри и Роджера Тейлора был киоск по торговле одеждой на Кенсингтон-Маркет. Это было место, где слонялись хиппи, туристы и рок-звезды. Меркьюри и Тейлор торговали подержанной одеждой, а в свободное время играли в группе. Они платили десять фунтов в неделю за место, покупали старые вещи, перешивали их и перепродавали. Работа Тейлора заключалась в том, чтобы таскаться по лавочкам в поисках товара. Иногда им удавалось сделать неплохой бизнес. Однажды Тейлор купил сотню пальто по пятьдесят пенсов за штуку, а продали их за четыре фунта каждое. По ошибке загнали и пальто Меркьюри.

Тим Стаффелл, однокашник Меркьюри, вспоминает, что тот стал одеваться более модно, работая на рынке. В день смерти Хендрикса Меркьюри в знак траура и уважения к своему кумиру не вышел на работу. Киоск просуществовал полтора года, и на этом бизнес закончился. Никто этому не удивился. Меркьюри и Тейлор решили посвятить себя музыке.

Так получилось, что группа состояла из двух лагерей: «В одном были Фредди и Роджер, в другом — Брайан и Джон. Хотя Роджер не был „голубым“, они прекрасно ладили с Фредди. Они обычно находились в хвосте самолета, где происходили самые невероятные вещи; Брайан и Джон всегда путешествовали в голове салона.» Мы хорошо поработали вместе, но это было не очень легко. На первых гастролях, когда они были разогревающей группой перед выступлениями «Мот зе Хупл», «Куин» были недовольны той прессой, которую получили. Уже тогда у них был менталитет больших звезд".

Пул стал журналистом и работал в «Рекорд миррор». Он и «Куин» не общались восемь лет после того, как Крис дал отрицательную рецензию на второй альбом группы:

«Мне он не понравился, и они не могли мне этого простить. Только в последние шесть лет они начали снова со мной

разговаривать».

Последний раз Пул видел Меркьюри в клубе «Гроучо» на награждении «Куин» британской наградой Lifetime Achievement Award: «Фредди выглядел терпимо, но видно было, что он нездоров».

Глава 11
СПИД: слухи и правда. Благотворительная деятельность.

“Я не собираюсь дожить до старости. Что дальше — мне неважно. Когда тебе семьдесят — это скучно”.

Холодным февральским утром, когда Фредди Меркьюри появился в телевизионной студии в Уэмбли, чтобы начать работу над видео к своему синглу «Im Going Slightly Mad», съемочная группа была в шоке. От прежнего гладколицего, мускулистого Фредди ничего не осталось. Он более походил на призрак самого себя. Одежда на нем висела, серое лицо было покрыто пятнами.

Ему оставалось жить девять месяцев. Сотрудников студии предупредили, что съемки будут часто прерываться и переноситься, однако слово «СПИД» не было произнесено. Сказали лишь, что у Меркьюри проблема с коленом.

Сам Меркьюри заметил кому-то из съемочной группы: «Я буду время от времени отдыхать, чтобы снизить нагрузку на колено». В его гримерной поставили кровать, а снаружи дежурили два телохранителя.

Съемки продолжались три дня. И хотя по поводу недомогания Фредди больше ничего официально не говорилось, некоторые из присутствовавших знали, что дело не в колене. Один телевизионщик сказал мне: «Многие из моих друзей умерли от СПИДа. Незадолго до смерти они выглядели очень похоже. На Меркьюри было больно смотреть. Вся эта история с коленом была шита белыми нитками. В одной сцене он вставал на колени. Этого не сделать с больным коленом».

Лицо Меркьюри было покрыто толстым слоем грима, а голову покрывал огромный черный парик. Чтобы как-то скрыть худобу, под костюм он надел майку с длинными рукавами. Никто из смотревших видео не удивился бы — группа всегда наряжалась странно, тем более что основной темой песни было сумасшествие.

Пять лет Фредди Меркьюри жил с мыслью, что он болен СПИДом. Заявил об этом публично он только за сутки до смерти. Убедившись, что у него СПИД, Меркьюри стал очень осторожным и поделился этой страшной тайной с некоторыми самыми

близкими друзьями.

Это было таким большим секретом, что даже остальные члены группы узнали о болезни только за несколько месяцев до смерти. Брайан Май говорил: «Это было личным делом Фредди. Инстинктивно мы знали — что-то происходит, но об этом не говорилось. Он жил с этим очень долго и сказал нам, когда ему оставалось всего несколько месяцев».

Мэй и Тейлор прервали молчание о болезни Меркьюри, выступив в утренней телевизионной программе. Мэй говорил: "Фредди принял решение сказать о своей болезни. Было бы очень легко изменить посмертный диагноз на пневмонию, и Фредди знал это. Но все же он сказал: «Я должен сделать это. Здесь нечего стесняться, тут нет позора».

Но если фаны Меркьюри узнали о том, что у него СПИД, лишь накануне его смерти, в мире шоу-бизнеса слухи о болезни циркулировали годами. Даже в начале болезни, когда Меркьюри выглядел вполне нормально, мафия шоу-бизнеса чувствовала, что что-то не в порядке. В конце концов певец уподобился Говарду Хьюзу. Он предпочитал не появляться на людях. Это было куда как странно для человека, который не мог прожить без вечеринок!

На высоте сорок тысяч футов Брин Бриденталь и Фредди Меркьюри перекатывались по огромной кровати, хихикая, как школьники, в то время как «Лиза Мари» бороздила воздушные просторы Америки. Группа арендовала «Лизу Мари» — самолет, ранее принадлежавший Элвису, на время гастролей по Штатам, обоснованно полагая: что было хорошо для Короля, должно подойти и Королеве. Фредди, который самым большим грехом считал скуку, был готов к веселью в любых условиях.

«Он меня просто вытащил из невеселых раздумий, бросил на кровать, и мы начали кувыркаться, смеясь, как сумасшедшие, вспоминает Бриденталь. — Он мог заставить тебя забыть все условности и наслаждаться жизнью, как это делают дети».

Сейчас компания, принадлежащая Бриденталь, занимается организацией «паблик релейшнз» в шоу-бизнесе. В течение нескольких лет Бриденталь была американским пресс-секретарем «Куин». Она встретилась впервые с группой в 1977 ГОДУ, когда работала на звукозаписывающую фирму «Электра», которая выпускала пластинки «Куин» в Америке.

Говорит Бриденталь: "В то время многие в компании были не в восторге от «Куин». Все считали, что с Фредди трудно ладить, но я так никогда не думала. Он мне понравился с самого начала. Просто многие не могли его как следует рассмотреть. Меня все время спрашивали, как я могу так долго с ними работать — они же несносные. Однако ничего подобного в них я не замечала.

Дело совсем в другом — в фирмах грамзаписи работает много консервативных и скучных людей. Как раз таких Фредди терпеть не мог. Он не любил тратить на них время. Он очень ценил жизнь.

Сейчас, заглядывая в прошлое, вспоминаю, что его друзья очень быстро приняли меня в свой круг. Никогда не знаешь, почему так происходит. Мне кажется, они чувствовали, что я их очень люблю". Меркьюри был сложной личностью и мог ставить в тупик даже близких ему людей. "Он был похож на бриллиант со множеством граней. Вне сцены он мог быть таким же взрывным, как и на сцене, но мог быть тихим и застенчивым. Эти два состояния были важными составляющими его характера. Он был сильным и ранимым одновременно.

Иногда где-нибудь в ресторане он полностью доминировал в компании, рассказывая потрясающе смешные истории. В другой раз он мог сидеть тихонько в уголке совершенно незамеченным.

Часто мы с ним разговаривали о смысле жизни. Мы засиживались до рассвета, он был очень хороший собеседник. Фредди иногда любил и посплетничать. С ним всегда было интересно, но иногда немного утомительно. Несколько раз я просто уползала из его комнаты рано утром после таких разговоров.

Одна черта мне особенно в нем нравилась — он никогда не делал того, что якобы предписывалось людям его круга и положения. Его это не интересовало. Фредди был человеком внутренне богатым, и поэтому не подверженным тому налету, который сопровождает известность и славу. Многие окунаются в это, потому что у них нет ничего внутри. Они считают, что успех может компенсировать все. Но это не так. Я всегда знала, что Фредди — личность, причем уникальная".

Бриденталь исколесила с группой не одну тысячу миль, им пришлось работать вместе и во время гастролей по Южной Америке, которые начались в феврале 1981-го. «Это было незабываемое турне. Иногда бывало просто страшно. Когда мы были в Венесуэле, там умер президент, в стране постоянно происходили восстания и революции. Какое-то время у нас не было уверенности, что мы сможем оттуда выехать».

Все истории о любовных похождениях Меркьюри, по мнению Бриденталь, умалчивают об основной особенности его натуры: «Он был очень романтичным, и ему нравилось влюбляться. Фредди отдавал всего себя до конца, в ответ же хотел только любви».

Он обладал острым умом, и это помогло группе достичь апогея очень быстро: «Они не хотели долгого пути к успеху, не желали годами играть на второсортных площадках, в клубах и

пабах. У них был блицплан, который они успешно осуществили. Любой другой вариант им не подходил».

Несмотря на то что Меркьюри был очень открыт с друзьями, он не любил давать интервью. «Это ему было не интересно. Он считал, что невозможно за двадцать минут разговора передать самое главное».

Человеком, помогавшим Бриденталь выводить Меркьюри на интервью, был Пол Прентер, бывший его личным менеджером и любовником. Прентер был одним из немногих, кто предал Меркьюри, продав одной английской газете интимные подробности его жизни.

«Когда Пол ушел, Фредди невозможно было уговорить на интервью. Я всегда думала, почему Пол опустился до такой низости. Фредди был очень внимателен и заботлив по отношению к окружающим, и казалось, что никто не осмелится пойти против него. Пол также навредил имиджу группы в Америке, потому что он часто был груб и нечестен с людьми. Его уход был только всем на благо».

Бриденталь могла на себе ощутить щедрость Меркьюри: «Группа ушла из „Электры“. Я тоже покинула компанию, решив основать собственный бизнес. Вскоре мне позвонили из офиса „Куин“ в Лондоне и сказали, что хотят заключить со мной контракт как с независимым пресс-агентом. Менеджер Джим Бич сказал, что группа готова финансировать мою компанию и что это был редкий случай, когда они не спорили. Они мне всегда платили вперед и присылали деньги сверх того».

Бриденталь догадывалась, что Меркьюри болен, задолго до того, как об этом было объявлено: "Я, кажется, знала, что с ним происходило. Я часто встречала Брайана, он много времени проводил в Лос-Анджелесе. Временами я его расспрашивала о Фредди, и он отвечал, что у него проблемы с почками. Но Брайан не умел врать, и я догадывалась, что все гораздо хуже. Я больше не задавала вопросы.

Фредди был славным и милым, чего совершенно не ожидаешь от людей, достигших такого положения. Безусловно, у него бывали срывы. У какой звезды их не бывает? Но он всегда относился ко мне с уважением. Я всегда вспоминаю о нем с большой теплотой. Он был безумно талантлив. Фредди очень любил жизнь и умел получать от жизни удовольствие. Его смерть сделала мир беднее. Это большая потеря".

Меркьюри пытался объяснить, что он больше не ходит на увеселительные мероприятия потому, что стал стар и устал от одних и тех же лиц. Но в эти доводы мало кто верил.

Слухи о том, что у Меркьюри СПИД, возникли в 1986 году

после того, как он сдал анализ крови в больнице Харли-стрит. Возвратившись из, Японии с очередного шопинг-тура, он был вне себя: «Разве я выгляжу умирающим? Я здоров и прекрасно себя чувствую. Все эти слухи — чушь. Меня от них тошнит».

Но разговоры не утихали. Новым толчком для них послужило известие о том, что Меркьюри потерял голос перед концертом в Барселоне в 1988 году. Несколько дней спустя на приеме в Королевской опере Фредди говорил:

«Эти слухи — чепуха. Я больше не участвую в вечеринках, потому что я уже не мальчик. Я уже не могу жить, как раньше. Но это не значит, что я болен». Когда я спросил, почему он не устроил большую вечеринку хотя бы на свой день рождения, Меркьюри ответил: «Мне этого не хотелось. Я собрал небольшую уютную компанию. Тем более что уже никого не удивишь балами Фредди Меркьюри».

Джим Бич, менеджер группы, говорил, что все дело в возрасте Меркьюри: «Его стиль жизни изменился. Сорок лет — рубеж в жизни любого человека. Фредди не исключение».

Незадолго до того от СПИДа скончались два близких друга Меркьюри. Человек из его окружения рассказывал мне: «Это серьезно обеспокоило Фредди. Да, он был сумасшедшим, беспечным и неразборчивым в связях. Но это все в прошлом».

Меркьюри признавался, что встревожен опасностью, подстерегающей многих молодых людей: «Невозможно просто отказаться от секса. Надо, чтобы все знали о СПИДе и могли обезопасить себя. Каждый, кто ведет беспорядочную половую жизнь, должен пройти проверку. Секс был важной частью моей жизни. Сейчас я почти монах, однако я не грущу по прежней жизни».

В феврале 1990 года «Куин» получили престижную британскую награду «За выдающийся вклад в развитие музыки». Во время церемонии награждения Меркьюри выглядел изможденным. Обычно в таких случаях на него возлагалась обязанность официально представлять группу. На этот раз он смиренно стоял рядом с Брайаном Мэем, в то время как вручали награду. Похудел он невероятно. Друзья объясняли, что Меркьюри находится на диете. А его бледность, мол, оттого, что в этот вечер на нем не было грима.

После этого Фредди редко появлялся на людях и выглядел все хуже и хуже. Тем не менее пресс-секретарь Рокси Мид утверждала: «Фредди чувствует себя прекрасно». И члены группы также отвергали слухи о болезни.

Весной того же года Меркьюри видели на рынке антиквариата в Челси на Кинс-роуд. Несмотря на теплую погоду,

он был укутан в большой шерстяной шарф. Рядом находился охранник.

Теперь от слухов о болезни Фредди не было спасения. Каждый день в его офисе звонил телефон. Но цепочка близких друзей, образовавшаяся вокруг Меркьюри, никогда не разрывалась. Каждый раз любопытным говорили, что с Фредди все в порядке. «Он только что пообедал», — говорила Рокси Мид. Или: «Он сегодня купил новые картины».

Люди из окружения Меркьюри говорили: «С Фредди все в порядке. Тех, кто распускает сплетни о его болезни, будем привлекать к суду».

Но правда оставалась правдой — Меркьюри умирал от СПИДа. Летом того же года начал циркулировать слух, будто Меркьюри умер и об этом сообщат только после погребения, которое состоится тайно. Представители Меркьюри заявили, что это ложь и что он сам выступит и положит конец всем этим бредням. Но его выступление не состоялось, что только подогрело слухи.

Конец еще не наступил, но был очень близок. Мысль о том, что он обречен, заставляла Меркьюри работать с еще большей энергией. Он начал работать над проектами, о которых давно мечтал. Друзья говорили, что Фредди не прекращал работы даже за шесть недель до смерти. Хотя даже если бы он скончался пять лет назад, его музыкальное наследие было бы огромным.

Меркьюри решил, что должен помочь всем страдающим от этой страшной болезни. Многочисленные фонды по борьбе со СПИДом нуждались в средствах, чтобы облегчить страдания больных и продолжить исследования по борьбе с болезнью, которая год от года распространяется все шире.

Он направил все доходы от одной из самых своих известных песен в лондонский благотворительный фонд Терренса Хиггинса, одну из первых организаций по борьбе со СПИДом. Помогал он не только английским благотворительным фондам.

Мейджик Джонсон, легендарная звезда американского баскетбола, объявил по телевидению, что является носителем вируса СПИДа и собирается создать фонд по борьбе с этой болезнью. Меркьюри и его друзья посчитали, что крупный взнос в этот фонд будет достойным применением денег «Куин». 26 ноября, за два дня до смерти, огласили волю Меркьюри. Роджер Тейлор, Брайан Мэй и Джон Дикон дали указание переиздать «Богемскую рапсодию». Они объявили, что все средства от продажи пластинки в Англии будут направлены в фонд Терренса Хиггинса, деньги же, полученные от реализации диска в Америке, пойдут в фонд Мейджика Джонсона. Джон Бич, менеджер «Куин»,

заявил:

«Мы надеемся, что, соединив силы с Мейджиком, мы установим связь между музыкой и спортом. Это поможет нам — как и мечтал Фредди — понять, что проблема СПИДа касается каждого».

Шесть дней спустя после издания «Богемской рапсодии» этот сингл, который увековечил место «Куин» в анналах рок-музыки, снова взлетел на высшую ступень популярности. Когда я пишу эти строки (1991 г . — Ред.), пластинка обещает стать первой по количеству проданных экземпляров, обогнав хит «Бэнд Эйд» «Do They Know It's Christmas» (3 млн. экз.).

Пластинка вышла в рекордно короткие сроки. Как пояснил Тони Уодсворт, генеральный менеджер компании звукозаписи, принадлежавшей группе: «Первые копии пластинки в обложке мы получили уже в следующую пятницу. Каждый старался как мог».

Уже день спустя все понимали, что у них на руках бестселлер номер один. Грехем Уокер, сотрудник компании «ERA», составляющей списки популярности, говорил: «Продажа идет феноменально. За первые шесть дней продано около шестисот тысяч пластинок».

Даже балансируя на грани жизни и смерти, Меркьюри продолжал оставаться величайшим шоуменом. За месяц до его кончины вышла одна из самых сильных песен группы — «The Show Must Go On», слова которой, вопрошая о смысле жизни, были полны надежды. Две недели спустя после Выхода сингла появился второй альбом «Greatest Hits».

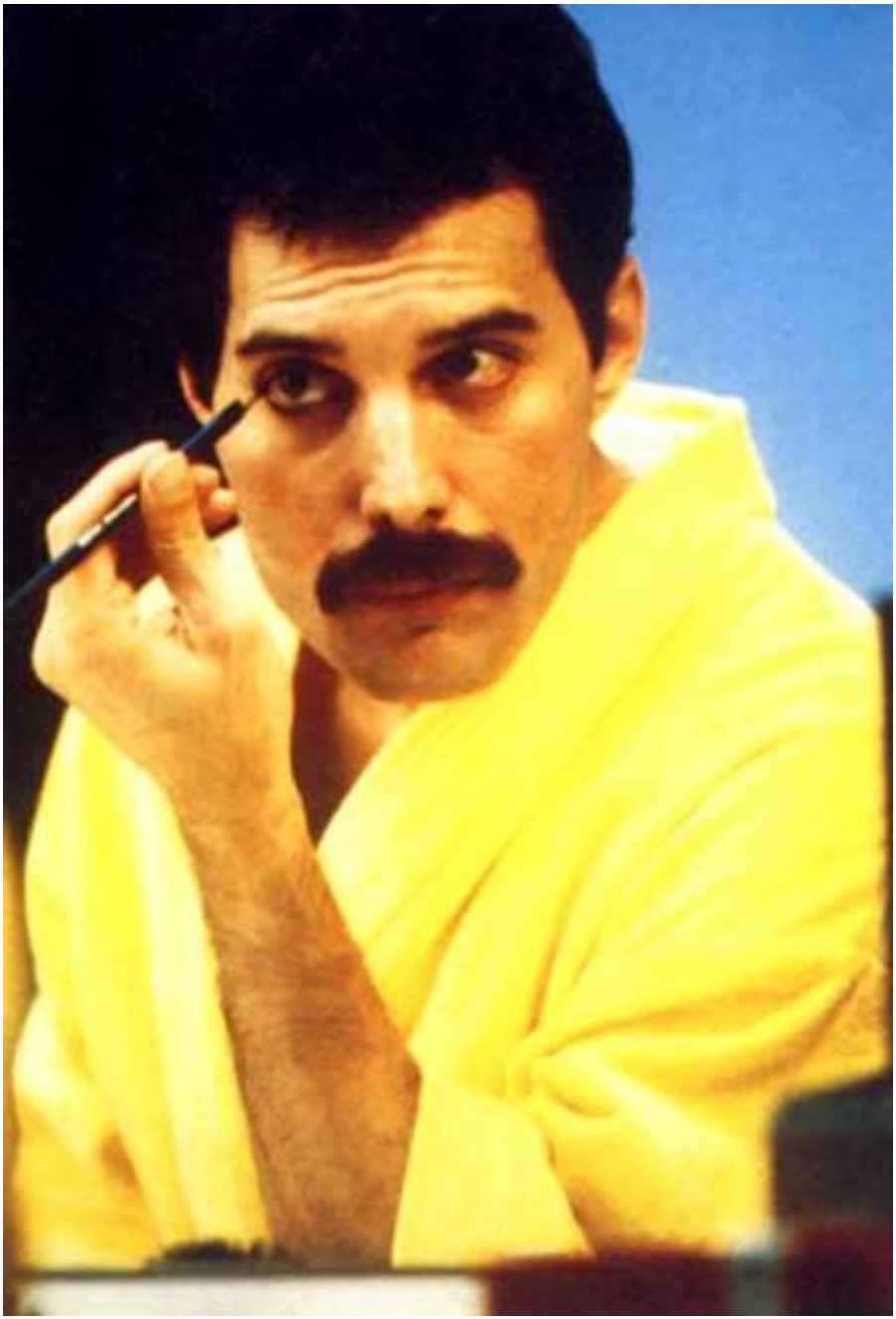
Даже в самый разгар трагических событий казалось, что все шло по сценарию — достойный финал великого актера, знавшего, как начать и завершить шоу. Друзья восхищались упорством, с которым Меркьюри боролся с болезнью. Но мнения по поводу его поведения во время болезни были неоднозначны. Некоторые считали, что он струсил и предал неписаную солидарность геев. По их мнению, скрывая болезнь, он считал ее чем-то вроде позора, как и то, что он был геем. Они также говорили, что он мог собрать гораздо больше денег, сказав о болезни открыто и с самого начала.

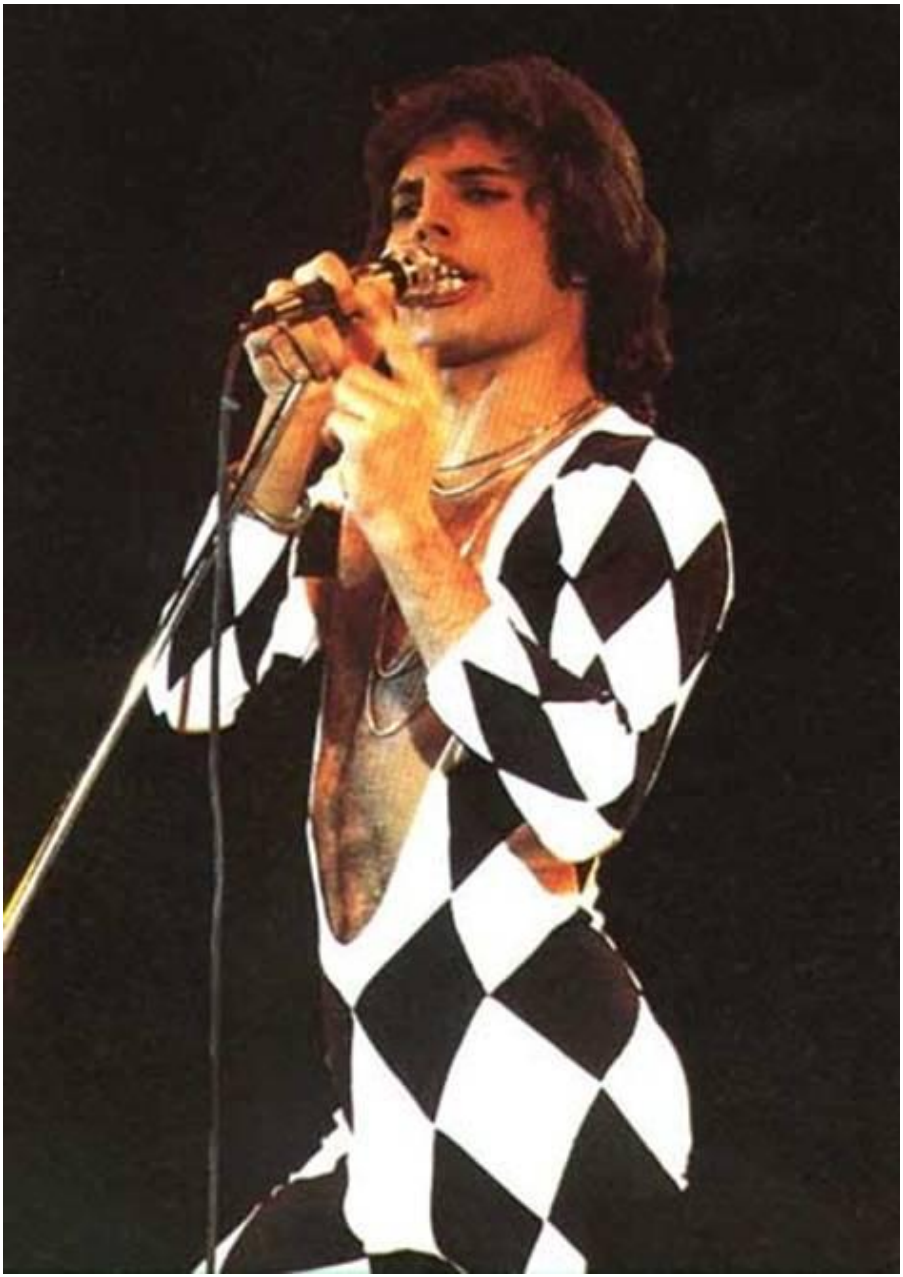
Доктор Роджер Ингам, исследователь из университета Саутгемптона, сказал: «Возможно, если Фредди открылся бы раньше, этим он мог дать импульс широким общественным дискуссиям, которые сыграли бы роль в борьбе со СПИДом и его предупреждении».

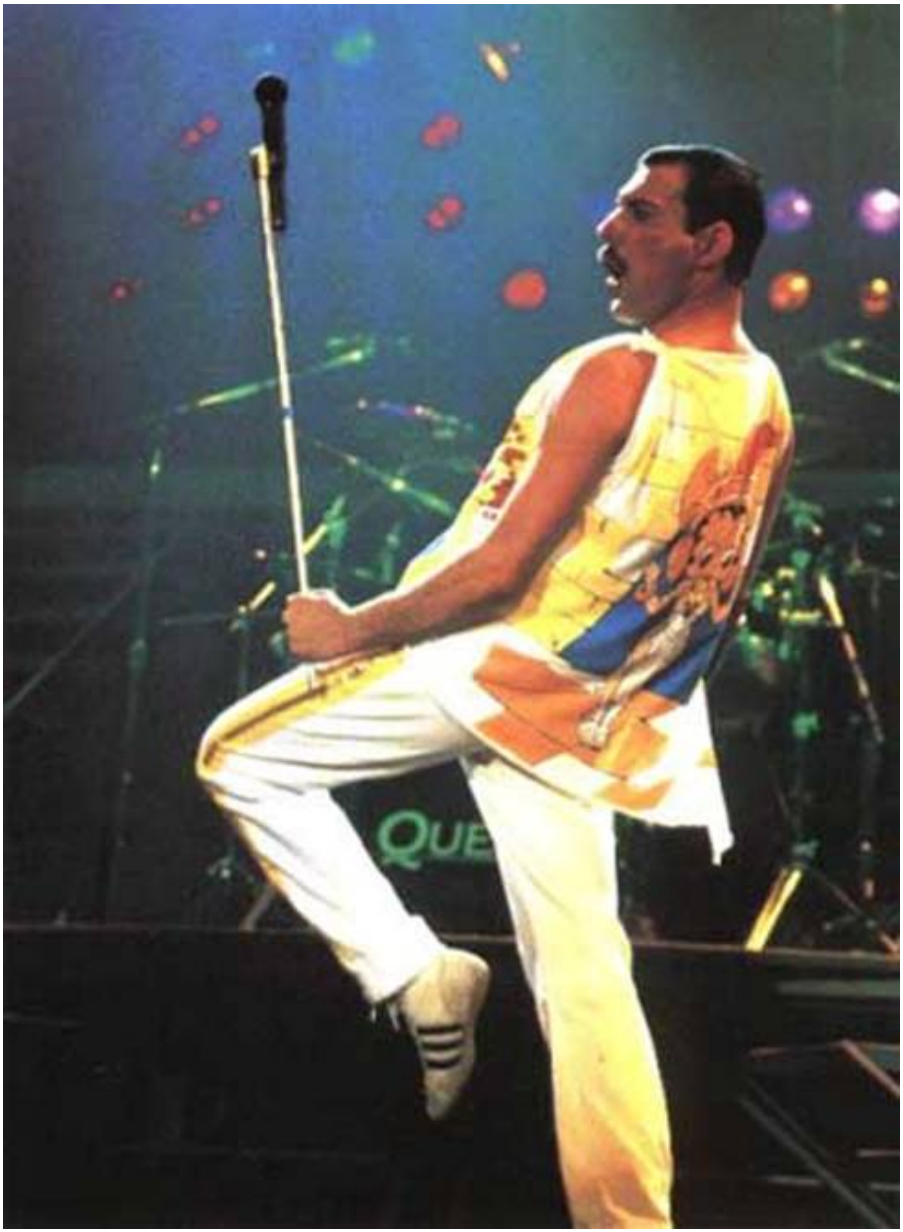
Вскоре после смерти Меркьюри я брал интервью с Миног, восходящим идолом молодежи. Она сказала: «Его смерть была трагедией. Я не большая поклонница „Куин“, но некоторые мои

друзья были близко знакомы с Фредди. Мне кажется, он должен был сказать о болезни раньше. Все видели, что с ним происходит. Очень жаль, что он этого не сделал. Многие могли бы оказать ему поддержку. Он должен был поступить, как Мейджик Джонсон. То, что он призвал нас на борьбу с болезнью, — это прекрасно. Но сделать это надо было раньше».

В конце концов, решение Меркьюри принял сам. И если он решил скрыть факты, то знал — умереть у всех на виду еще сложнее, чем жить.






QUE